

С 42

P177423

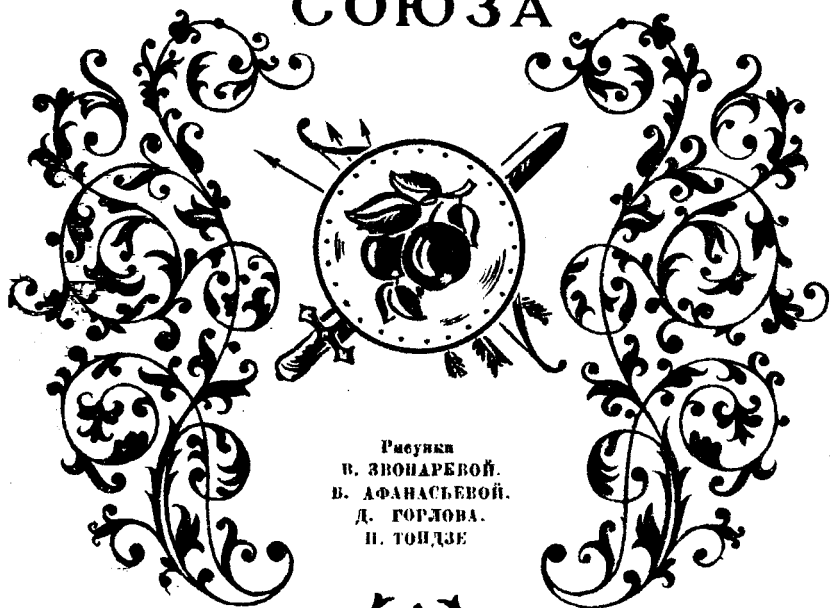
**СКАЗКИ
НАРОДОВ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА.**

Д Е Т Г И З

СКАЗКИ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Рисунки
В. ЗВОНАРЕВОЙ.
В. АФАНАСЬЕВОЙ.
Д. ГОРЛОВА.
Н. ТОНДЭ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НКИ РСФСР
МОСКВА 1942 ЛЕНИНГРАД

КОТ — СЕРЫЙ ЛОБ

(Русская сказка)

Жил-был старик, и было у него три сына — Митяй, Лентяй да Кузьма. Лентяй да Митяй на печи лежат, калачи грызут, а Кузьма и в поле и в лесу все один на работе. Лентяй да Митяй по праздникам в шелковых рубахах щеголяют, а Кузя — в ситцевой. Вот старик жил-пожил, да и умер. И осталось от него богатства — изба, да конь, да серый кот. Митяй себе избу взял, Лентяй — коня, а Кузе братья кота бросили.

— Забирай, — говорят, — свою скотинку и иди прочь со двора, кормить тебя нечем.

Заплакал Кузя, посадил кота за пазуху и отправился горе мыкать, счастья искать. Шел он, шел и пришел в город, где царь жил. Идет Кузя мимо царского дворца и видит: сидит у окна царевна Марья Маревна, орехи щелкает. Понравилась она Кузьме, он и пошел к царю свататься.

— Так и так, — говорит, — царь-батюшка, не отдашь ли за меня замуж царевну Марью Маревну?

Царь на Кузьму как поглядел, да как вскочит, как залопочет:

— Это что за разговор! Да где это видано, да где это слыхано, чтоб царевны за мужиков-голяков замуж шли? Поди прочь со двора, а то плетью прогоню!

Заплакал Кузя и ушел от царя подальше. Выстроил он себе в лесу избушку и стал жить да грустить.

Вот раз серый кот ему и говорит:

— Не печалься, Кузя, не горюй, я тебе помогу. Поймай-ка мне перепелочку пожирней, свари мне похлебочку повкусней, а там видно будет.

Кузьма сделал силки, поймал перепелочку, сварил похлебочку. Кот — Серый лоб наелся, усы жиром вымазал, побежал на зеленый луг, лег на солнышко, помурлыкивает. Бежит мимо лиса красна:

— Ах ты, Кот — Серый лоб, где это ты, кот, пообедался?

— Был я, лисичка-сестричка, у царя на пиру, — отвечает кот. — Неужели тебя, сестринька, не звали?

— Ах, Кот — Серый лоб, не сведешь ли ты меня к царю на обед?

— Отчего не свести? Сведу... Только ты собери еще сто красных лисиц, все вместе пойдем. Для тебя одной царь и беспокоиться не захочет.

Вот лиса побежала, сто лисиц собрала. Кот — Серый лоб и повел их к царю. У ворот оставил, сам во дворец забежал.

— Так и так, царь-батюшка, — говорит кот, — мой хозяин, мужик Кузьма, прислал тебе подарочек — сто лисиц на шубу богатую.

Царь доволен-довольнехонек.

— Вот какой, — говорит, — у тебя хозяин богат! Интересно познакомиться.

А Кот — Серый лоб ему и говорит:

— Он, царь-батюшка, из мужиков, ему и во дворец-то итти не следует.

— Ничего, — говорит царь, — с деньгами мне и мужики нравятся.

Приказал царь лисиц в амбар загнать, а Кот — Серый лоб побежал опять в лес, лег на лужок, мурлыкает.

Бежит мимо соболь золотой:

— Ах ты, Кот — Серый лоб, ты где это так накушался?

— А я был у царя в гостях. Нас там было, разных зверей, куниц-соболей, видимо-невидимо, да и теперь еще остались, по сию пору еще обедают.

— Кот — Серый лоб, не сведешь ли ты и меня к царю на обед?

— Для одного тебя царь и беспокоиться не захочет, — говорит кот, — а ты собери сто соболей, я и сведу вас всех на царский пир.

Побежал соболь, собрал сто соболей, а Кот — Серый лоб повел их к царю.

— Здравствуй, царь-батюшка! Прислал тебе Кузьма подарочек — сто соболей на одеяльце теплое.

Царь доволен-довольнехонек.

— Вот какой у тебя хозяин богатый! Интересно познакомиться. Пусть он сам ко мне на пир явится.

— Хорошо, — говорит Кот — Серый лоб и побежал к Кузьме Бедному. — Идем, — говорит, — Кузинька, к царю на пир.

— Что ты, что ты, котинька! Я гол да бос, рубаха на мне ситцевая.

— Ничего, — говорит кот, — все хорошо будет.

Пошли они вместе к царю на пир.

Стали через речку переходить, Кот — Серый лоб и говорит Кузьме:

— Надо тебе, Кузинька, прежде чем на пир итти, выкупаться. Полежай в речку, вода теплая.

Скинул Кузьма одежду, залез в речку, а Кот — Серый лоб его одежду взял, спалил, а сам во дворец побежал, кричит, плачет:

— Ах, царь-батюшка! Ехал мой хозяин к тебе на пир через темный лес, напали на нас разбойники, раздели хозяина донага, бросили в речку быструю. Сидит он теперь на бережку, не в чем ему во дворец притти.

Тут царь захохотал, хлопотал, шлет за Кузьмой карету золоченую, шлет ему наряды богатые.

Оделся Кузьма, приосанился, поехал к царю на пир. Царь его за подарки благодарил и за стол усадил.

Пировали они три дня, три недели. Вот царь и говорит:

— Ну, гостюшка, поедем теперь к тебе пировать.

«Ох, — думает Кузьма, — пропал я совсем! Как я в мой шалаш царя поведу?»

— Пожалуй, царь-батюшка, в наш дворец, — говорит кот, а сам хозяину шепотком: — Ничего, Кузьинька, справимся.

Нечего делать Кузьме, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали по большой дороге царь с царевной до Кузьмы-мужика.

А Кот — Серый лоб впереди бежит. Бежит-бежит, глядит — пастухи пасут стадо овец.

— Пастухи, пастухи, чье стадо пасете?

— Пасем стадо Змея Горыныча.

— Ой, пастухи, не говорите никому, что Змея Горыныча, говорите, что Кузьмы-мужика. А то едут на Змея войной царь Огонь да царевна Молния; они и вас сожгут.

Пастухи испугались.

— Хорошо, — говорят.

Побежал Кот — Серый лоб дальше. Видит — пастухи пасут табун коней.

— Пастухи, пастухи, чей табун коней пасете?

— Змея Горыныча, — отвечают пастухи.

— Ой, пастухи, спросят вас, не говорите никому, что Змея Горыныча, говорите, что Кузьмы-мужика. А то едут на Змея войной царь Огонь да царевна Молния; они и вас сожгут.

Испугались пастухи.

— Хорошо, — говорят.

Побежал Кот — Серый лоб дальше. Прибежал к Змею Горынычу прямо во дворец.

— Что скажешь, Кот — Серый лоб?

— Ой, беда, Змей Горыныч. Едут на тебя царь Огонь да царевна Молния, хотят тебя сжечь, спалить. Испугался Змей.

— Что делать, Кот — Серый лоб?

— Беги куда глаза глядят, назад не ворочайся.

Побежал Змей через горы и леса, куда глаза

глядят, — только его и видели. А Кузинька едет себе да едет с царем да царевной. Доезжают до стада овечьего. Царевна и спрашивает:

— Пастухи, пастухи, чье стадо пасете?

— Кузьмы-мужика.

Царь тому и рад.

— Ну, любезный мой, и богат же ты!

Доезжают до конского табуна:

— Пастухи, пастухи, чей табун стережете?

— Кузьмы-мужика.

— Ну, Кузьма, и много же у тебя коней!

Приезжают к дворцу золоченому. Встречает их

Кот — Серый лоб.

— Пожалуйте, — говорит, — в нашу избушку.

Зашел царь в палаты и рот раскрыл.

— Ну и славно, ну и богато! Ну, — говорит, — любезный друг, сватай царевну Марью Маревну, пусть она будет твоей женой.

А Кузьма ему в ответ:

— Где это видано да где это слыхано, чтобы царевны за мужиков замуж шли? Нет, ты у меня погости, попируй, а женюсь я на крестьяночке.

Тут царь разобиделся и пировать не захотел. Взял царевну и домой уехал.

А Кузьма женился на крестьяночке.

И сейчас они хорошо живут.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

(Русская сказка)

Жили-были царь с царицею. Любил царь ходить на охоту стрелять дичь. Вот один раз пошел он на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел. Только хотел его застрелить, орел и просит:

— Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, когда-нибудь я тебе пригожусь.

Царь подумал, подумал и говорит:

— Зачем ты мне нужен? — и опять хочет стрелять. Говорит ему орел в другой раз:

— Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, когда-нибудь я тебе пригожусь.

Царь думал, думал, опять не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хотел застрелить его. Орел и в третий раз говорит:

— Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года: когда-нибудь я пригожусь тебе.

Царь смиловался, взял орла к себе. Кормил его год, кормил и два. Орел так много поедал, что всю скотину съел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. И сказал тогда орел:

— Пусти-ка меня, царь-государь, на волю!

Царь выпустил его на волю. Попробовал орел свои крылья — нет, не может еще летать! — и говорит:

— Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год. Хоть займи у кого, да прокорми, в обиде не будешь!

Царь так и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал, летал, спустился на землю и говорит:

— Ну, царь-государь, садись теперь на меня, полетим вместе!

Царь сел на орла. Вот полетели они и прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал царь в море — по колени намок. Только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает:

— Что, царь-государь, небось, испугался?

— Испугался, — говорит царь. — Думал, что со всем потону.

Опять летели, летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посреди моря — царь по пояс вымок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает:

— Что, царь-государь, небось, испугался?

— Испугался, — говорит царь, — да все думалось: авось ты меня вытащишь.

Опять летели, летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь — намок царь по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает:

— Что, царь-государь, небось, испугался?

— Испугался, — говорит царь, — да все думалось: авось ты меня вытащишь.

— Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить. Три раза принимался стрелять, а я все просил тебя да думал: авось не погубишь, авось смилуешься, к себе возьмешь.

Полетели они опять, долго-долго летели. Прилетели за тридевять земель. Говорит орел:

— Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами.

Посмотрел царь.

— Над нами, — говорит, — небо, под нами земля.

— Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую.

— По правую сторону поле чистое, по левую — дом стоит.

— Полетим туда, — сказал орел, — там живет моя меньшая сестра.

Опустились прямо на двор. Сестра вышла навстречу, принимает орла, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко рассердился орел, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше. Вот летели они, летели. Говорит орел царю:

— Погляди, что позади нас.

Обернулся царь, посмотрел:

— Позади нас дом красный.

А орел ему:

— Это горит дом меньшей моей сестры за то, что тебя не приняла да борзыми собаками травила.

Летели, летели, орел опять спрашивает:

— Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами.

— Над нами небо, под нами земля.

— Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую.

— По правую сторону поле чистое, по левую — дом стоит.

— Там живет моя средняя сестра, полетим к ней в гости.

Опустились на широкий двор. Средняя сестра принимает орла, сажает его за дубовый стол, а царя на дворе оставила, выпустила борзых собак и натравила на него. Орел рассердился, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше. Летели они, летели. Говорит орел:

— Царь-государь, посмотри, что позади нас.

Царь обернулся:

— Стоит позади красный дом.

— Это горит дом моей средней сестры, — сказал орел. — Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшая сестра.

Вот прилетели туда. Мать и старшая сестра обрадовались им и приняли царя с честью, с ласкою.

— Ну, царь-государь, — сказал орел, — отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай домой.

Дал он царю корабль и два сундучка — один красный, другой зеленый — и говорит:

— Смотри же, не открывай сундучков, пока домой не приедешь. Красный сундучок открой на заднем дворе, а зеленый сундучок — на переднем дворе.

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю. Доехал до острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомнил про сундучки, стал думать, что бы такое в них было и почему орел не велел открывать их. Думал, думал, не утерпел. Взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттуда столько разного скота вышло, что глазом не окинешь! Едва на острове поместились. Как

увидал это царь, загоревал, начал плакать и приговаривать:

— Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?

И видит он: вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает:

— Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?

— Как же мне не плакать! — отвечает царь. — Как мне собрать все это стадо в такой маленький сундучок?

— Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне то, чего дома не знаешь.

Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю».

Подумал и согласился.

— Собери, — говорит, — отдам тебе то, чего дома не знаю!

Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину. Царь сел на корабль и поплыл восвояси. Как приехал домой, тут только узнал, что родился у него сын-царевич. Стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается.

— Царь-государь, — спрашивает царица, — скажи, о чем горькие слезы ронишь?

— С радости, — говорит: побоялся сказать ей правду-то, что надо отдавать царевича.

Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок, и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны. Много-много набралось всякого скота, все сараи стали полны.

Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок, и появился перед ним большой да красивый сад. Каких-каких деревьев тут не было! Царь обрадовался и забыл, что надо отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то гулял царь, и подошел он к реке. На ту пору показался из воды прежний человек (а это царь морской был) и говорит:

— Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал. Вспомни, ведь ты должен мне!

Воротился царь домой с тоской-кручиной и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего — надо отдавать царевича. Отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней: авось куда-нибудь приведет. Шел, шел и очутился в дремучем лесу. Стоит в лесу избушка.

«Дай зайду», подумал царевич и вошел в избушку. А в избушке Баба-яга жила.

— Здравствуй, царевич! — говорит Баба-яга. — Куда путь держишь?

— Эх, бабушка! Ты сначала напои, накорми да потом спрашивай.

Баба-яга его напоила, накормила, и царевич рассказал про все без утайки: куда и зачем идет. Говорит ему Баба-яга:

— Иди, дитяtko, на море. Прилетят туда двенадцать голубиц, обернутся красными девицами и станут купаться. Ты подкрадись потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю. Попадутся тебе навстречу Обьедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун — всех возьми с собою; они тебе пригодятся.

Простился царевич с Бабой-ягой, пошел на море и спрятался за кусты. Скоро прилетели двенадцать голубиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич схватил у старшей сорочку и спрятался за кустом. Девицы выкупались и вышли на берег; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой. Осталась одна старшая — Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца:

— Отдай, — говорит, — мою сорочку! Приедешь к батюшке морскому царю, в то время я тебе пригожусь.

Царевич отдал ей сорочку, она обернулась голубкой и улетела вслед за подружками.

Пошел царевич дальше. Повстречались ему на пу-

ти три богатыря: Обьедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к морскому царю.

Увидал его морской царь и говорит:

— Здорово, царевич! Что так долго не приходил ко мне? Я устал, тебя дожидаячись. Принимайся-ка теперь за работу. Вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь — голова долой!

Идет царевич от морского царя, сам слезами заливаётся. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает:

— О чем, царевич, слезы ронишь?

— Ах, Василиса Премудрая, как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост.

— Ничего! Ложись-ка спать: утро вечера мудренее.

Лег царевич спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и свистнула молодецким посвистом. Со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпич таскает. Скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам.

Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича:

— Вставай, царевич, мост готов. Сейчас батюшка смотреть придет.

Встал царевич, взял метлу, стоит на мосту — где подметет, где почистит. Похвалил его морской царь:

— Спасибо, — говорит. — Сослужил ты мне одну службу, сослужи и другую. Вот тебе задача: насади к завтраму зеленый сад — большой да ветвистый, да чтобы в саду птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши, яблоки спелые висели.

Идет царевич от морского царя, сам слезами заливаётся. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает:

— О чем плачешь, царевич?

— Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить!

— Ничего, ложись спать: утро вечера мудренее.

Лег царевич спать. Василиса Премудрая вышла на крыльцо, гаркнула-свистнула молодецким посвистом. Со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад. В саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши, яблоки спелые висят.

Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича:
— Вставай, царевич, сад готов! Батюшка смотреть идет.

Царевич сейчас за метлу да в сад — где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его морской царь:

— Спасибо, царевич, сослужил ты мне службу верой-правдой. Выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье. Угадаешь до трех раз одну и ту же — будет она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить.

Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу:

— В первый раз я платком махну, в другой — платье поправлю, в третий — над моей головой станет муха летать.

Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Морской царь наготовил много всякого кушанья — сотне человек не съесть! — и велит царевичу, чтоб все было поедено: коли что останется — худо будет.

— Батюшка, — просит царевич, — есть у нас старичок, дозвожь и ему закусить с нами.

— Пускай придет!

Сейчас явился Обьедало, все поел, еще мало ему было.

Морской царь наставил всякого питья сорок бочек и велит царевичу, чтоб все было выпито.

— Батюшка, — говорит опять царевич, — есть у нас один старичок, дозвожь и ему выпить за твое здоровье.

— Пускай придет!

Явился Опивало, зараз выпил все сорок бочек.

Видит морской царь, что ничто царевича не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-прежарко. Истопили баню чугунную, двадцать сажен дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили — за пять верст подойти нельзя!

— Батюшка, — говорит царевич, — дозвожь наперед нашему старичку попариться, баню попробовать.

— Пускай парится!

Пришел в баню Мороз-Трескун, в один угол дунул, в другой дунул — сейчас же сосульки повисли. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись, попарились и домой воротились.

— Уйдем от батюшки, — говорит царевичу Василиса Премудрая, — он на тебя больно сердит, не сделал бы зла какого!

— Уйдем, — говорит царевич.

Тотчас оседлали коней и поскакали в чистое поле. Ехали, ехали, много прошло времени.

— Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, — говорит Василиса Премудрая, — не слышать ли за нами погони.

Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит:

— Ах, царевич, слышу сильную за нами погоню!

Оборотила она коней колодцем, себя ковшиком, а царевича старым старичком. Наехала погоня от морского царя:

— Эй, старик, не видал ли добра молодца с красной девицей?

— Видал, родимые, только давно: они еще в те поры проехали, как я молод был.

Погоня воротилась к морскому царю.

— Нет, — говорит, — ни следов, ни вести. Только и видели, что старика возле колодца да по воде ковшик плавает.

— Что же вы их не брали?! — закричал морской царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царе-

вичем и Василисою Премудрою послал другую погоню.

А тем временем они далеко-далеко уехали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню. Оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли.

Наехала погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?

— Видел, родимые! Только давным-давно: они еще в те поры проехали, как я молод был, эту церковь строил.

И вторая погоня воротилась к морскому царю.

— Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести. Только и видели, что старого попа да церковь ветхую.

— Что же вы их не брали?! — закричал пуще прежнего морской царь, предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрою сам поскакал.

На этот раз Василиса Премудрая слышала погоню и оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнем, себя — серой утицей. Морской царь бросился на кисель и мед, ел-ел, пил-пил — до того, что лопнул!

А царевич с Василисою Премудрою поехали дальше. Стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит:

— Ступай, царевич, вперед к отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге подожду. Только помни мое слово: со всеми целуйся, только не целуй сестрицы, не то меня позабудешь.

Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал, как в ту же минуту забыл про Василису Премудрую.

Три дня ждала его Василиса Премудрая, на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки.

А царевич в это время собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу — все бы шли

поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить.

— Для кого, бабушка, пирог готовишь? — спрашивает ее Василиса Премудрая.

— Как для кого?! Разве ты не знаешь: наш царь женит сына на богатой королевне. Надо во дворец итти, молодым пирог подавать.

— Дай и я испеку да во дворец снесу. Может, меня царь чем пожалует.

— Ну, пеки!

Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, сделала пирог, а в середку положила творогу да посадила голубя с голубкою. К самому обеду пошла старуха с Василисой Премудрою во дворец, а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттуда голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит:

— Голубушка, дай и мне творожку!

— Не дам, — отвечает голубка, — а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую.

Тут вспомнил царевич про свою жену, Василису Премудрую, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком.

С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастье.

ТРИ СЫНА

(Русская сказка)

Было у старика три сына. Старший сын пошел в моряки, второй сын обучился на аэроплане летать, а третий сын пограничную стражу нес.

Отбыл старший сын службу, приехал героем. Обрадовались отец с матерью и говорят:

— Ты-то приехал, а те двое еще не отслужились. Который был на самолете, тоже скоро прилетел. Спустился самолет возле деревни, и вышел средний сын. Поздоровался. Обрадовались старики и говорят:

— Хоть бы скорее младший приезжал!

А третьего сына нет и нет. Все на границе сын. Крепко знал он службу, много врагов поймал живьем и командиру представил. Озлились враги, стали следить за третьим сыном, напали на него как-то ночью, увели в плен, давай выспрашивать:

— Сколько у вас войск, да где эти войска стоят?

Третий сын говорит:

Мне про это ничего не известно. Я знаю только одну свою стражу.

Не поверили враги.

— Врешь, — говорят. — Как ты солдат, то должен все знать. Рассказывай, иначе мы тебя не отпустим, а будем казнить.

Третий сын сказал:

— Это дело ваше. А я знать ничего не знаю. А и знал бы, так все равно не сказал бы.

— Ах, ты вот, значит, какой! — говорят враги.

И стали его пытать, кинжалами в него тыкать и зверство творить.

Он весь кровью изошел, голову склонил и кончался уже, а ничего не сказал. Видят враги — разговора от него не добыжешься, вышвырнули его обратно за границу.

А братья все ждут меньшого да думают: «Что это дорогой брат не является? Пора уж!»

И вдруг письмо приходит: «Погиб ваш герой в руках у злодеев».

Долго плакали отец с матерью, а брат, который на аэроплане летал, говорит флотскому брату:

— Поедем к товарищу Сталину, скажем: желаем быть там, где наш брат погиб.

Приехали к товарищу Сталину, говорят ему:

— Так и так, дорогой товарищ Сталин, вздумали мы отомстить злым врагам за нашего брата.

Сталин говорит:

— Ладно, езжайте.

И отправились они туда, где брат служил. Прилетели на границу, встречает их пограничный командир и говорит:

— Не застали вы брата своего в живых. Уж мы старались спасти, да ничего не помогло. Только что брат ваш кончился.

Пришли к нему братья, видят: весь он раненый, порезанный. И стали братья о нем плакать, а средний брат, который на аэроплане летать был обучен, скавал:

— Нужно нам в горы слетать. Там всякие ключи бьют. И есть особенный ключ с живой водой: от этой воды заживают раны, человек выздоравливает.

Флотский брат говорит:

— Летим быстрее! Найдем живой ключ.

Сели на аэроплан, полетели в горы.

Прилетели. Стали ключевые воды искать. Нашли маленький родничок. Вода в нем ключом кипит, а сама, как лед, холодная. Набрали они воды и думают: нужно ее проверить. Только об этом подумали — глядь, заяц сидит. Прицелились в зайца и убили. Старший брат и говорит:

— Теперь давай этого зайца испробуем: оживет он или нет?

И стали брызгать на зайца водой. Брызнули на рану, где пуля была, брызнули другой раз, а на третий заяц зашевелился, встряхнулся. Да как вскочит. Да как побежит!

Обрадовались братья. Набрали воды в пузырек, сели на самолет и вернулись к младшему брату.

А тот лежит без движения: не спит, не дышит. Начали они на раны водой брызгать, а сами стоят возле и плачут. Брызнули раз, другой — и видят: заплывают раны, затягиваются.

Брызнули в третий раз — брат зашевелился, поднял голову и сказал тихо:

— Ох, братцы мои, как я долго спал!

А братья говорят:

— Вечно б тебе спать, если бы не мы.

Командир на радостях домой отпустил их: поезжайте, мол, отдохните. И решили они к родным на аэроплане слетать. Прилетели на родину, опустились возле деревни, пошли к своим родителям. Народ, конечно, знал, что меньшей брат убит, — смотрит, а меньшей живехонек! Только очень уж он худой да бледный, даже краски в лице нет. Побежали люди вперед братьев к старикам:

— Ваши детки идут! И младший живой, только очень тощей.

Обрадовались мать и отец, заплакали. Родным и тощей в радость.

Пожили они с недельку и говорят:

— А теперь нужно съездить к Сталину. Поедемте, братцы, все трое.

Отец с матерью говорят:

— Вы хоть мученого Егора дома оставьте.

— Нет, — говорит Егор, — я не останусь. Мне — к Сталину.

Так и сделали. Сели в аэроплан, поехали. Приезжают к Сталину, дают ему знать.

Сталин, конечно, позвал их в Кремль, пригласил садиться, велел рассказывать, как они брата своего спасали. Очень радовался Сталин, что спасли Егора, руки всем жал и говорил:

— Чего вам от меня желательно?

Меньшой брат, который выздоровел, ответил:

— Желаем все трое не разлучаться, вместе быть. Желаем все на Дальнем Востоке на границе служить.

Сталин им ответил:

— Так тому и быть. Героям не откажешь. Я таких героев очень обожаю и люблю.

Дал он им ордена, и уехали братья на границу.

Пошел меньшой брат на стражу, увидали его враги, кричат:

— Эй, Егор! Это ты?

— Я самый, — говорит он.

— Ведь мы тебя убили, — удивились они.

Егор отвечает:

— Вы нас как ни убивайте, мы опять оживем.

Побежали враги в испуге к своим начальникам, докладывают. Начальники ужас как перепугались, за голову хватаются:

— Это никуда не годится такое дело! Как нам теперь быть и что же нам теперь с ними делать? Выходит, что нам их никогда не уничтожить.

ВЕТЕР

(Украинская сказка)

В одном селе жил бедняк-крестьянин. Хата у него старая, добра — пара лаптей дырявых, скотины — была одна кошка, да и та сбежала.

Раз нанялся бедняк на попу работать. Работал без устали, а получил мерку жита с мякиной.

Пошел мужик в поле веять то жито. Вдруг, откуда ни возьмись, подул ветер и развеял все жито до последнего зерна. Рассердился бедняк и говорит:

— Я не я буду, коли не найду ветра! Я то жито горбом заработал, а он на-ка! Пушай платит мне за убыток!

Стал бедняк собираться в путь-дорогу, а жена спрашивает:

— Куда это ты собрался?

— Иду искать тот ветер, что развеял мое жито!

— Вот еще чего выдумал! Али позабыл поговорку: ищи ветра в поле. Тебе в том поле одна дорога, а ему десять; попробуй-ка его найти.

— До тех пор буду искать, пока не найду! А уж пустыми руками домой не вернусь!

Попрощался бедняк с женой, поцеловал детей и пошел искать ветра в поле.

Долго ли, коротко ли он шел, дошел до лесу — смотрит — стоит избушка на курьих ножках. Вошел бедняк в хату и видит — лежит, растянувшись, огромный дед, седой великан: голова на лежанке, руки и ноги по углам, а борода седая задралась к потолку.

Глянул бедняк на старика и задрожал от страха.

— Добрый вечер, дедушка!

— Добрый вечер! Куда это тебя ноги несут?

— Хожу я по белому свету, ищу ветра в поле.

— А на что он тебе понадобился?

— Как на что? Какую он мне наделал беду. Заработал я за лето мерку жита. Вышел я в поле веять то жито, налетел ветер и развеял мое жито до последнего зернышка. Как же мне не горевать, как же мне не

сердиться! У богатых людей полны закрома стоят, а у меня была одна мерка, да и ту ветер развеял.

— Ну, ладно, сынок! Больше не буду! А ты не ищи больше ветра в поле. Ветер — это я. А за то зло, что я тебе причинил, на тебе торбу. Эта торба не простая, а чудесная. Как захочешь пить-есть, скажи: «Торба, торба! Напои меня, накорми меня!»

Поклонился бедняк ветру в самые ноги и говорит:

— Спасибо тебе, ветер, за твою ласку и доброту. Значит, мне можно никогда не работать и быть всегда сытым?

— Для ленивого это очень хорошо. Только смотри по дороге не заходи в шинок, все равно я узнаю.

— Нет, зачем мне заходить в шинок? Я прямо домой пойду.

Попрощался бедняк с ветром, поблагодарил его за чудесную торбу и пошел домой.

Идет бедняк по дороге, видит — шинок, захотелось ему зайти в тот шинок, стаканчик горелки выпить.

«Будь что будет! Авось ветер не узнает», подумал про себя бедняк и вошел в шинок.

Подбежал к нему шинкарь и спрашивает:

— Что тебе надо, добрый человек?

— Ничего не надо.

— А раз ничего не надо, так зачем пришел? Убирайся вон отсюда, голодранец!

— Это кто голодранец? Это я голодранец?! — всердцах крикнул бедняк и приказал: — Торба, торба! Накорми меня, напои меня!

И в ту же минуту на столе появились всевозможные кушанья и напитки.

Шинкарь с шинкаркой от удивления замахали руками и принялись расспрашивать бедняка:

— Где ты, добрый человек, достал такую торбу? Сколько лет живем на белом свете, а такого чуда не видывали!

Усадил бедняк их за стол и принялся угощать. Шинкарь подмигнул своей жене, и та стала потчевать

бедняка горелкой. Вскоре бедняк опьянел и крепко уснул.

Шинкарь взял его торбу, повесил на гвоздик другую и растолкал бедняка:

— Вставай, добрый человек, уж белый свет в окошко стучится.

Проснулся бедняк, надел на спину торбу и пошел домой.

У порога его встретила жена.

— Ну что? Нашел ветра в поле? — с усмешкой спросила она.

— Нашел, — радостно ответил бедняк, повесил торбу на гвоздик и приказал: — Торба, торба! Накорми меня, напои меня!

А торба висит себе на гвоздике и не шевельнется.

Рассердился бедняк, схватил торбу да как даст по стене! До тех пор бил, пока стену проломил, а от торбы одни клочья остались. Тут бедняк приутих и опять пошел к ветру.

Пришел бедняк в избушку на курьих ножках, а ветер его спрашивает:

— Ты зачем ко мне пришел, мужичок? Я же тебе дал торбу? Что тебе еще надо?

— Забодай чорт ту окаянную торбу! Я из-за нее только один убыток видел.

— Какой убыток?

— А вот какой: стал я просить у той торбы накормить меня, напоить меня, а она и не шевелится. Стал я ее бить, да и проломил стену. Как я теперь буду жить в разваленной хате? Дай мне еще что-нибудь.

А ветер и говорит:

— Э, мужичок, дураков не сеют, не жнут, они сами рождаются. Ты по дороге в шинок заходил?

— Нет, не заходил.

— Врешь! — гневно вскричал ветер.

— Что ты на меня кричишь? Кабы давала мне торба пить и есть, так во веки веков не пришел бы я к тебе!

— Ну, ладно. На тебе, мужичок, баранчика. Не будет у тебя денег, прикажи ему: «Баранчик, баран-

чик, встряхнись!» Встряхнется баранчик, и будут у тебя деньги. Только смотри не заходи в шинок. Все равно я узнаю. И коли придешь ты ко мне в третий раз, так до новых веников будешь меня помнить!

Взял бедняк баранчика, поблагодарил ветра и пошел домой.

Дошел до шинка, захотелось ему выпить чарку горелки. «Зайду в шинок», подумал про себя бедняк а ноги сами собой перешагнули порог.

— Ах ты, такой-сякой! Как ты смеешь барана в хату тащить! Не мог ты его в сенях оставить? — набросился шинкарь на бедняка.

— Что ты на меня кричишь? Это не простой баран, а чудесный. Баранчик, встряхнись!

По полу покатались деньги золотые да серебряные, и шинкарь с шинкаркой, ползая на коленях, принялись их собирать.

— Ну и баран! Такого барана я и отроду не видал. Добрый человек, продай мне баранчика! — стал просить шинкарь.

— Не продам я баранчика. Собирайте деньги и ставьте на стол угощение.

Забегали шинкарь с шинкаркой, залебезили. На ставила шинкарка на стол всякой закуски, горелки да наливки. Усадили они бедняка на почетное место в красный угол и принялись его угощать.

Сидит себе бедняк за столом да медок с горелкой попивает. Спойл его шинкарь, уложил спать, а когда бедняк уснул, хитрый шинкарь подменил баранчика.

Выспался бедняк, встал, попрощался с шинкарем и взял баранчика и пошел домой.

Пришел он домой, постучал в дверь.

Открыла жена дверь, а бедняк с бараном прямо в хату.

— Что же ты барана в хату ведешь? Разве ему в хате место? — закричала жена.

— Не шуми, жена. Теперь будет у нас всего много. Будет чем детей кормить.

— Какая там польза от барана! Самим есть нечего, а тут еще барана корми!

— Брось ты кричать! — рассердился бедняк, топнул ногой и приказал: — Баранчик, встряхнись!

А баран стоит как ни в чем не бывало, только хвостом вертит.

Со злости схватил бедняк полено да как трахнет барана по голове.

Заблеял баран жалобно, упал да и ноги протянул.

Пришел бедняк в третий раз к ветру и говорит:

— До каких же пор ты будешь надо мною смеяться?

— Как это «смеяться»? — загремел дед на всю избушку. — Я тебе подарил торбу да баранчика. Чего ты за ними не доглядел? Зачем в шинок заходил?

— В какой шинок? Дал ты мне торбу да барана, а я от них, кроме убытку, ничего хорошего не видел. Дай мне еще что-нибудь.

— Дать тебе что-нибудь? Сейчас! Хлопцы с бубна, дайте этому пьянице, чтоб он знал, как горелку пить да старых людей не слушать! — крикнул ветер.

Откуда ни возьмись, выскочило двенадцать хлопцев. Подняли хлопцы двадцать четыре кулака да как стали бить-колотить мужика!

Бросился бедняк на колени, взмолился:

— Дедуся! Голубчик! Помилуй! Отпусти живого! Никогда больше к тебе не приду и другим закажу!

— Хлопцы, в бубен! — приказал ветер, и хлопцы мгновенно исчезли.

— Возьми себе этот бубен и иди в шинок. Проси шинкаря отдать тебе торбу и барашка. А коли не захочет он тебе их отдать, кликни хлопцев с бубна.

Поблагодарил бедняк ветра и пошел. Пришел в шинок и стучит. Увидал шинкаря, что у бедняка, кроме бубна, нет ничего, и кричит:

— Нет у меня для тебя горелки! Проходи мимо!

— Отдайте сначала мою торбу и барашка, тогда уйду!

— Не брали мы твоей торбы. Не брали мы твоего барашка. Ты с ними домой ушел!

— Так ведь вы мне их подменили!

— Не меняли мы твоей торбы! Не меняли твоего

барана! Пошел вон отсюда! — закричали шинкарь с шинкаркой и принялись выталкивать бедняка из шинка.

Рассердился бедняк да как крикнет:

— Хлопцы с бубна!

Выскочили двенадцать хлопцев и принялись лупить кулаками шинкаря с шинкаркой. Видит шинкарь — плохо его дело.

— Мужичок! Голубчик! Все отдам, только дай еще на белом свете пожить!

— Хлопцы, в бубен! — крикнул бедняк. В ту же минуту хлопцы исчезли, а шинкарь с шинкаркой, почесывая избитые бока, отдали бедняку его чудесную торбу и барана.

Взял бедняк торбу и барашка и пошел домой.

ГРИЦЬ ДА ПАН

(Украинская сказка)

Шел пан с ярмарки да нагнал Грицька-пастуха. Идет Грицько, на дуде играет.

— Ты, Гриць, с ярмарки?

— Эге.

— Дуду купил?

— Эге.

— Домой идешь?

— Эге.

— Ну, пойдём вместе.

— Угу.

Пошли вместе. Шли, шли и нашли жареного поросенка. Такой поросенок румяненый, корочка на нем хрупкая, а живот гречневой кашей набит.

Вот пан и думает, как бы ему поросю самому съесть.

— Грицько, а Грицько, а как же мы поросю съедим?

— А нарежем да и съедим.

— Э, нет, либо я больше съем, либо ты. Давай сделаем так: ляжем мы спать, и кому лучший сон приснится, тому и поросю есть.

— Эге ж.

Только легли, пан и захрапел.

Вот Грицько торк-торк пана; пан спит. Взял Грицько у пана горбушку хлеба да и съел жареного поросю. Все косточки обглодал, обсосал, всю кашу до зернышка подобрал. Наелся да и лег спать.

Пан проснулся, глаза протер, торк-торк Грицька:

— Ну, какой тебе, Грицько, сон снился?

— А штоб тебя, пан! Разбудил не во-время...

— Так рассказывай свой сон.

— Сперва ты рассказывай, а то ты меня так толкнул, что я все позабыл. Припомнить надобно.

— Ну, Грицько, мне вот какой сон хороший снился: будто я это проснулся, гляжу, а около нас конь ходит, да такой статный — новая на нем узда, серебряные удила, золотые стремяна, подушка на седле пуховая. Вот я сел на того коня и поехал, и поехал —

только меня и видели! Еду, еду по степи, да так хорошо, аж песни запел. Вижу, стоит столб, а около столба лестница. Слез я с того коня, привязал его до столба и полез по лестнице. Лез, лез, лез, лез высоко-высоко. Глянь — аж там небеса. Влез на небеса, ходил, ходил по дорогам, нашел хатку. Отворил я чуток дверь, а там светится. Глянул — сидит там за столом сам пан бог и ужинает, а около бога и варенички с вишнями, и кныши со сметаной, и галушки, и колбаса с чесноком...

— Го!

— Да... Посмотрел на меня пан бог и говорит: «Ну, паночек, иди со мной ужинать». Дак я с самим паном богом ужинал. Вот видишь, Грицю, какой мне сон хороший снился... Давай-ка мне поросся, да соли нет ли у тебя?..

— Сто-ой, стой, паночек, ты сперва мой сон послушай!

— Говори, только скорее.

— Дак и мне сон снился, да чуток не такой. Проснулся я, а около нас кляча ходит, да такая паршивая, из веревки на ней узда, из лозы стремяна подцеплены, обороть на ней вся порвана. Сама кляча шелудивая... Сел я на ту клячу и потрусил. Трусил, трусил по степи, аж опоганило. Вдруг я вижу: столб стоит, а около столба лестница да к той лестнице конь привязан, такой хороший, — новая на нем узда, серебряные удила, подушка...

— Это мой, мой конь был.

— Эге... Дак я полез по лестнице. Лез, лез, лез, лез высоко-высоко, аж опротивело. Влез — гляжу, а там небеса. От я походил, походил по небесам, вижу — хатинка. Отворил я двери, а там вы сидите с паном богом да ужинаете. А около вас... и вареники с вишнями, и кныши со сметаной, и галушки, и колбаса с чесноком! Вот вы, паноче, и махнули на меня да и говорите: «Иди, Грицько, вниз да съешь поросся, а я здесь у пана бога поужинаю». Ну я и слез вниз да съел поросся. И лег себе спать хорошенько.

— Да ты вправду съел поросся?

— Да съел же, паночек, все косточки похрумкал. Молоденький поросенок был!

— Ишь, цур тебе пек! Будь ты неладен! Это ж мне только сон снился.

— А я ж не знал. Вы ж на меня махнули, чтоб я вернулся и съел поросю.

— Ах ты, такой-сякой! Что ж, мне один хлеб есть?

— Уж вы не прогневайтесь, паночек, я вашу горбушку с поросенком съел. Думал, вы после пышек черного хлеба не станете есть.

Рассердился тут пан на Грицька, схватил свою шапку и побежал по дороге. А Грицько посмеялся да пошел дальше. Идет, на дудке поигрывает.

АСИЛАК И ЗМЕЙ

(Белорусская сказка)

В одном крае неведомо откуда появился огромный змей. И начал этот змей хватать людей и волочить их в свое царство, чтобы эти люди обрабатывали его землю.

А земли у змея видимо-невидимо.

Приставил змей целое войско своих верных слуг тех мужиков караулить и приказал им зорко глядеть за всеми. А кто не захочет работать или кто захворает, того змеевы слуги досмерти на месте забивали.

И работали мужики на земле змеевой, своими костями унаваживая эту землю.

Может, и до сих пор так было бы, да родился в то время в лесной глуши, среди вечных болот, в избе бедных родителей Асилак.

Вырос он, как дуб, высокий и мощный. Узнал он от батьки о лютном змее и о муках мужицких на землях змеевых.

И надумал Асилак покарать змея и избавить му-

жиков от тяжелой неволи. Надумал и стал собираться. Батька его начал уговаривать:

— Куда ты пойдешь, сынок? Неужто тебе жизнь надоела, что ты без поры, без времени хочешь уйти в сырую могилу? Зачем ты сам змею в руки живьем идешь?

— Не могу я слышать про муки мужиков и смотреть, как плачут без батьков малые дети, — отвечал Асилак. — Освобожу их от змея.

— Да где тебе одному его побороть, когда им тысячи приневолены?

А Асилак на своем стоит:

— Не будет житья ни нам, ни детям нашим, ни внукам, коли не уничтожить проклятую гадину.

— Ну, воля твоя, — сказал батька. — Делай, как думаешь. Чую я сам, не стало мужикам никакого житья.

Пошел Асилак искать страшную гадину.

Шел он, шел, — нет нигде змея, словно он сквозь землю провалился вместе со своим царством.

И повстречался в ту пору Асилаку старый-престарый дед.

— Куда, сынок, путь держишь? Может, я чем пригожусь? — приветливо спросил дед.

Рассказал ему Асилак, куда он идет, за каким делом, и пожаловался, что нигде не может найти того змея.

— Все ноги, дед, отбил! Трое сапог износил, а змея нигде и следов не видно!

— Иди, — говорит ему дед, — на закат. Мало ли пройдешь, много ли пройдешь, увидишь огромную каменную стену. За этой стеной — змеиное царство. Только запомни: коли пересилишь ты змея, не давай ему пощады. Будет он тебе выгоды сулить — не верь. Будет золото-серебро давать — не бери. Помни, что все это мужичьим потом и кровью добыто. А коли одолеешь ты злую гадину, сволоки ее во дворец и с четырех сторон подожги тот дворец. Построен он на человеческих костях. А чтобы и духу змеева не осталось, размети его пепел по ветру.

Поблагодарил Асилак за добрый совет, распростился с дедом и пошел прямо на закат.

Шел он через лесные пуши, топкие болота, быстрые реки, глубокие озера, а змеиного царства все нет как нет.

Наконец видит Асилак: стоит высокая-превысокая стена, и не видно нигде прохода.

Подошел Асилак к той стене, попробовал влезть на нее, а стена гладкая, уцепиться не за что. И задумал тогда Асилак обойти ту стену. Три дня и три ночи он шел, а стене конца-краю не видно. Разозлился тут Асилак, схватил камень в триста пудов да как трахнет им в стену!

Затряслась, заколыхалась стена и рассыпалась, словно не из камней, а из песку была сделана.

Только перешагнул Асилак через камень, летит змей.

Налетел змей на Асилака, как коршун на курицу, разинул свою зубастую пасть, собирается его одним глотком проглотить.

Асилак схватил горсть мелкого песку и засыпал им змеиные очи. Завизжал змей по-звериному, заикался, заплелся и высунул свой огромный язык.

А Асилак цап его за язык! Накрутил его на руку и потащил за собой змея, как гнилую колоду.

Взвыл змей, как тысяча волков. Выпустил Асилак из рук змеиный язык, вырвал с корнем огромный дуб и взмахнул над змеиной головой. И взмолился тут змей человеческим голосом:

— Не убивай меня, Асилак, отпусти живого! Дам я тебе все, что твоя душа пожелает. Хочешь, отдам тебе половину своего царства и осыплю золотом с головы до ног!

Засмеялся Асилак и говорит:

— Пришел я к тебе, змей, не за золотом — оно мужицкими руками добыто. А пришел я освободить тех мужиков из твоей злой неволи и покарать тебя за все эти злодеяния.

Хотел змей сказать, что он отдаст Асилаку всех мужиков, да не успел: размозжил ему Асилак череп.

Схватил Асилак змея за ногу и поволок его в хоромы. Затащил он мертвую гадину в середину и подпалил огнем со всех четырех сторон. Сбежались змеевы слуги и полезли биться с Асилаком. А Асилак схватил за ногу самого большого из них да как начал махать им кругом, так только пыль закрутилась. Оглянулся Асилак — а от слуг и следа не осталось...

Полюбовался Асилак, как огонь жрет змеинные хоромы, и пошел в поле искать мужиков. Видит — мужики гуртом собрались, на пожар дивятся да потихоньку говорят:

— Ну, будет нам работа, коли змей заставит нас строить ему новые хоромы! Эх, кабы он сам сдох в тех хоромах, может, нам легче бы стало!

Подошел Асилак поближе к мужикам, а те подумали, что он новый слуга злой гадины, и смолкли.

— Чего вы, мужики, испугались? Я такой же мужик, как и вы. Зовут меня Асилак.

— Ну, видно, придется тебе горевать с нами до конца своих дней, — сказал один мужик.

— Не придется, — сказал Асилак. — Кончилось ваше горе, мужики. Не бойтесь змея. Нет его больше. Даже пепел его улетел в небо вместе с дымом. Кидайте-ка вы работу да расходитесь по домам.

Обрадовались мужики, обнимают Асилака, поют, прыгают от радости.

И пошли мужики в свои родные села, чтобы работать на своей земле на радость себе и своим детям.

А Асилак пошел в ту сторону, где еще мужики приневолены змеем лютым да его подлыми слугами. И скоро придет час, когда все мужики будут вольными.

ПРО ЦАРСКОГО ГЕНЕРАЛА И УМНОГО МУЖИКА

(Белорусская сказка)

Я вам сказку скажу про старопрежние, царские времена. А кто будет смеяться, тому сто розог. А кто будет плакать, тому вдвое.

Начинается мой сказ — не про нас и не про вас, а про царского генерала и умного мужика.

Копал один мужик погреб и нашел там кусок золота. Вот он и думает: «Куда мне его деть? Себе оставлю — пан отнимет, а не пан, так управляющий, а не тот, так староста... Понесу я лучше золото к царю. Царь меня наградит, а царской награды никто не отнимет».

Надел мужик новые лапти и пошел к царю. Дошел он до царского дворца, а у ворот генерал стоит: — Ты куда, мужичье, лезешь?

— А вот нашел я кусок золота и несу царю гостиницу.

Загорелись глаза у генерала.

— Ну, — говорит, — коли дашь мне половину царской награды, так пущу, а не дашь — пошел прочь.

— Хорошо, паночек, дам.

Генерал доложил царю. Царь вышел:

— Что тебе, мужичок, нужно?

— Ничего, царечек-паночек. Я вам гостиница принес, — и подает ему золото.

— Что тебе дать за это, мужичок?

— Дайте мне, царечек-паночек, сто розог.

— Как сто розог? Ты ведь мне золото дал!

— Ничего не хочу, дайте сто розог!

Принесли розог, приготовились мужика бить, а он как закричит:

— Стой, царечек-паночек, у меня есть половинник!

— Какой половинник?

— Как шел я к вам, генерал меня не пускал. «Коли дашь, — говорит, — половину того, что тебе царь даст, так пущу». Так дайте наперед ему пятьдесят, а потом мне пятьдесят.

Привели генерала. А он дрожит весь:

— В-в-в-ваше в-в-вели...

— Ничего, — мужик говорит, — я, паночек, не обману, твою долю сполна отдам.

Уложили генерала да ка-ак отлупят! Тут-мужик и говорит:

— Ах, царечек-паночек, он у вас хорошо служит, надо его наградить. Дайте ему и мою половину!

Тут и отдали генералу еще пятьдесят, а всего сто. А мужик шапку в охапку и вон из дворца. Лучше уж подальше от царской чести да от панской ласки! От них мужику добра не будет.

ХЕЧО-ЛЕНТЯЙ

(Грузинская сказка)

Когда — не помню, а где — не знаю, жил-был человек. Звали его Хечо, а прозвали лентяем — за то, что он от всякой работы отлынивал. Ну и голодал же Хечо из-за своей лени!

Наконец надоело ему голодать. Решил Хечо итти к старому мудрому Гербату, о котором в народе говорили, что он распоряжается судьбою людей.

Шел Хечо, шел и наконец добрался до дома Гербату.

Вошел Хечо в дом, снял шапку и стал у порога. Увидал его Гербату и говорит:

— А Хечо-лентяй! Ты еще жив? А я думал, что лень довела тебя до могилы.

— Пока еще ноги держат, — ответил Хечо.

— А зачем ты ко мне пожаловал?

— Хочу просить вас переменить мне судьбу. Несогласен я голодать!

Взглянул Гербату из-под густых бровей на Хечо.

— Видно, ты забыл про пословицу, — сказал он: — «Что в миску накрошишь, то и ложкой вынешь». Тебе суждено голодать, если ты не будешь работать. Так написано в книге судьбы.

— А я не хочу голодать! Я хочу, не работая, быть каждый день сытым.

— Ишь, какой пряткий! Разве ты не знаешь, что люди добывают счастье своими руками? Ты целыми днями лежишь на боку да ворон в небе считаешь.

Но Хечо слушать ничего не хочет. Стоит у порога, просит, шапку в руках комкает...

Наконец Гербату рассердился.

— Ладно, — говорит, — так и быть, сделаю я тебе поблажку, лентяй, хоть не стоишь ты этого! Ступай домой, жди первого праздника. В ночь под праздник будет гроза. Но ты не спи и жди. Как только сверкнет в небе огненная молния, мгновенно исполнится твое желание. Сверкнет молния во второй раз — исполнится твое второе желание. Сверкнет в третий раз — ис-

полнится твое третье и последнее желание. Только я знаю, что ты не сумеешь пожелать что-нибудь умное. Не пойдет тебе мой подарок на пользу!

Распрощался Хечо с Гербату, поблагодарил его и пошел домой.

В ночь под праздник Хечо уселся на пороге своей сакли. Сидит, грозы ждет. Зеваает во весь рот, трет глаза кулаками, чтобы не заснуть.

В это время с седых горных вершин медленно поползли тяжелые, черные тучи, с севера налетел дикий ветер и на землю упали первые капли дождя. Вот-вот грянет гром.

Только стал Хечо придумывать, что бы ему пожелать, как вдруг заболел у него живот. Да так заболел, что у Хечо все желания из головы выскочили.

«Вот не во-время! — подумал про себя Хечо. — Чтоб тебе провалиться!»

Трах! Грянул гром, сверкнула молния. Смотрит Хечо — нет у него живота.

Сунул Хечо руку под халат, а там у него один хребет, обтянутый кожей.

Взвыл Хечо от испуга не своим голосом:

— Ай, ай, ай! Что же это такое? Как же я теперь буду без живота? Уж лучше было бы, если б вырос у меня большой живот!

Только успел Хечо это сказать, снова сверкнула огненная молния. Видит Хечо — растет у него живот. Да какой живот! Огромный-преогромный. Такой большой, что от его тяжести Хечо на ногах не устоял, упал на землю и захрипел, заохал:

— Ох, ох, ох! Не могу я жить с таким животом! Пусть уж лучше у меня будет живот такой, какой прежде был.

В третий раз сверкнула в небе молния и загредел гром, и стал Хечо таким же, каким был прежде.

Рассердился лентяй. Проклиная свою судьбу, бросился он снова бежать к Гербату.

Бежит Хечо, торопится, а навстречу ему — волк. Старый, лохматый, худой — все ребра можно пересчитать.

Бросился волк к Хечо, загородил ему дорогу и говорит:

— Куда спешишь, душа Хечо?

Задрожал от страха Хечо.

— Отпусти меня, волк! Иду я к мудрому Гербату, тороплюсь рассказать ему про свое несчастье.

А волк ему в ответ:

— Будь другом, Хечо, спроси Гербату, что мне делать: худею я с каждым днем и никогда сыт не бываю. Но смотри не позабудь спросить, а не то я тебя съем!

— Хорошо, серый волк, обязательно спрошу, — сказал Хечо и побежал дальше.

Бежал Хечо, бежал, устали у него ноги. Остановился он, оглянулся по сторонам и видит — близ дороги растет высокая развесистая яблоня. Подошел Хечо к яблоне, сорвал самое крупное яблоко, вонзил в него зубы да как закричит:

— Ну и яблоки! Горче полыни! — и швырнул яблоко.

Печально зашелестела яблоня ветвями, и с зеленых ее листочков крупным дождем покатались слезы.

— Ну вот, каково мне терпеть! Каждый, кто попробует мое яблоко, ругает меня последними словами, а я была бы рада принести усталым путникам удовольствие. Помоги мне, Хечо, избавиться от моей болезни!

— Ладно. Вот буду я у Гербату, спрошу у него совета, — сказал Хечо и побежал дальше.

Бежит Хечо, торопится, от усталости еле дух переводит. Наконец вдали показался дом старого Гербату. Вдруг захотелось Хечо пить. Видит Хечо — между деревьями сверкает ручей. Подбежал он к ручью, припал ртом к прозрачной воде — и что же видит?.. На дне ручья лежит огромная рыба с разинутой пастью. Глаза выпучила, дышит тяжело, а рот закрыть не может.

Увидала рыба Хечо, плеснула хвостом от радости и сказала:

— Добрый Хечо, не можешь ли ты мне чем-ни-

Spencer W. ...

будь помочь? Вот уже двадцать лет не могу я закрыть свой рот!

— Подожди, — отмахнулся Хечо. — Вот, может быть, Гербату что-нибудь посоветует, — и побежал дальше.

Вот наконец и дом Гербату. Видит Хечо — сидит Гербату на пороге, сдвинул брови и читает большую книгу. Поднял Гербату голову, увидел Хечо и спрашивает:

— Ты зачем ко мне пожаловал?

— Как же, ваша милость! — говорит Хечо. — За что же это вы меня насмех подняли? Обещали исполнить три моих желания и в самую серьезную минуту наслали на меня болезнь! Уж коли давать, так давать, а зачем же смеяться над бедным Хечо?

— Значит, ты все-таки хочешь, не работая, быть сытым? — спросил Гербату. — Хорошо. Я еще один раз дам тебе несметное богатство... Только ведь не пойдет оно тебе впрок!

— Что вы, мой добрый господин! — кланяясь до земли, ответил Хечо. — Уж теперь-то буду я умней.

— А ты, когда шел ко мне, никого не видел? — хитро улыбаясь, спросил Гербату.

— Как же, как же! — обрадовался Хечо. — Когда я к вам шел, то видел в быстром ручье огромную рыбу. Вот уж двадцать лет она не может закрыть свою пасть. Скажите, пожалуйста, как ей избавиться от этого страшного несчастья?

— У рыбы под языком застрял драгоценный камень, — сказал Гербату. — Стоит его вынуть — рыба тут же закроет свою пасть. Ну, а еще что ты видел?

— Еще я видел на своем пути, — сказал Хечо, — прекрасную яблоню. С виду ее плоды румяны, а на вкус горче полыни. Яблоня велела спросить у вас совета, как ей избавиться от этого несчастья.

— Под корнями этой яблони зарыт клад. Стоит вырыть его, и яблоки станут едаще инжира, — сказал Гербату. — Уходи теперь, я устал.

— А еще встретил я по дороге серого волка, — продолжал Хечо. — Сколько он ни ест, никогда сыт

не бывает и худеет с каждым днем. Скажите мне, как волку избавиться от несчастья?

Тут Гербату усмехнулся еще хитрее и с шумом хлопнул большую книгу.

— Ну надоел же ты мне! Скажи волку, что он насытится, когда съест самое глупое и самое ленивое существо на свете!

Поклонился Хечо Гербату и пошел домой. Как дошел он до быстрого ручья, спрашивает его рыба:

— Ну, что сказал Гербату?

— Он сказал, что у тебя под языком лежит драгоценный камень. Стоит его вытащить — и ты закроешь свой рот.

— Так избавь меня от этого несчастья, — просит рыба, — а в награду возьми драгоценный камень.

Но Хечо заважничал:

— Была мне охота руки пачкать: Гербату мне и так несметное богатство дает. Некогда мне с тобой возиться!

И дальше пошел.

Вот дошел Хечо до яблони. Спрашивает его яблоня:

— Ну, что сказал Гербату?

— Он сказал, что если выкопать из-под твоих корней сундук с золотом, твои яблоки станут слаще инжира, — отвечает Хечо.

— Так избавь меня от несчастья, — просит яблоня, — а в награду бери себе золото.

— Была охота руки мозолить! — усмехнулся Хечо. — Мне и так Гербату обещал несметное богатство.

Так и осталась яблоня со своими горькими яблоками.

Идет Хечо, торопится, видит — посреди дороги лежит волк. Серую морду на лапы положил, его дожидается.

— Ну, Хечо, спросил ты Гербату, как мне избавиться от несчастья? Говори, а не то я тебя съем!

Нечего делать, уселся Хечо рядом с волком и подробно рассказал ему все свои приключения.

— Значит, Гербату сказал, что я избавлюсь от

своего несчастья, съев самое глупое и ленивое создание на свете?

— Да, — говорит Хечо.

Открыл волк пасть, зевнул широко да сказал:
— В таком случае настал твой последний час!
Тут бросился волк на Хечо и съел его.
Так погиб от своей глупости ленивый Хечо.

ГЕРОЙ САФАР

(Аварская легенда)

Сорок дней и сорок ночей отряды злодея-собаки Гоцинского¹ держали крепость Хунзах в осаде. Весть о том пошла через снежные горы, реки и равнины — до красного штаба. А в красном штабе — командир Сафар, храбрый джигит². Созвал Сафар свое войско, говорит ему:

— Псы с желтыми клыками окружили красную крепость Хунзах. Идемте освободить ее!

Все войско, как один человек, ответило:

— Идем, Сафар!

И двинулся тогда Сафар к Хунзаху. Высокий ли, низкий ли перевал — не отдыхает войско, идет... Сафар оставил седло, отдал коня под выюк.

— Хочу быть равным с вами, — сказал он.

Две ночи и два дня, не делая привала, двигалось войско Сафара.

В горах знали, что храбрый Сафар стоит за бедных людей. Отцы посылали ему в помощь своих сыновей, невесты — женихов, сестры — братьев. В горах знали, чего хочет злодей Нажмуддин Гоцинский: он хочет вернуть себе занятые бедняками загоны для скота, угнанные стада овец, отобранные сады и пахотные угодья. Его люди грабили по его приказу и в его пользу. Они забирали из амбаров скудную жатву и угоняли последних ослов. Бедняки печалились, кляли свою жизнь и готовили оружие.

Как только стало известно в аулах, что Сафар двинулся в горы с войском, все поспешили к нему. На третий день в большой долине Сафар назначил привал всему войску.

С коней сняли кладь: ящики с патронами, корзины и сумки с дорожными припасами. Зажгли костры, выставили часовых.

¹ Нажмуддин Гоцинский — помещик, предводитель белогвардейского отряда в годы гражданской войны в Дагестане.

² Джигит — вояка.

Проходила ночь. Сафар разрешил поочередно спать, а сам пошел проверять охрану. Обошел весь лагерь: все спокойно. Вокруг высокие-превысокие скалы, и небо для них — крыша. По одну сторону долины — один выход, по другую — другой, и один уже другого. Подумал Сафар: «Если враг встанет по ту и другую сторону выхода, что тогда?.. Как выберешься из мешка, в какой вошли?»

Вернулся Сафар к своим командирам и стал держать с ними совет. А тем временем нажмуддиновские собаки окружили войско Сафара, заняли все выходы и высоты.

--- Лей-ей, Сафар, сдавайся! Ты словно мышь в мешке! — закричали они сверху. — Куда теперь уйдешь? Выходы из ущелья мы закрыли свинцом.

Поднялся Сафар, услышав такие слова.

--- Врете! — крикнул он. — Мы пройдем Араканские ворота! Вставайте, партизаны!

И только крикнул Сафар, как сверху полетели камни, раздались выстрелы, посыпалась земля. Те, что спали, проснулись; те, что лежали, вскочили; те, что имели коней, бросились к ним. Черными козлами прыгали вниз камни. Как туры, скакали они по откосам, разнося смерть. Те, у кого кони, вскочили в седла, рванулись вскачь к одному выходу. Навстречу — пули, огонь. Рванулись к другому — пули, огонь. Много здесь попадало людей. В ловушке оказались. Куда пойдешь?.. Сбились посредине долины в кучу и ждут... А камни летят сверху, мнут коней, давят людей. Кони мечутся, рвут уздечки, дрожат. Летят и летят камни...

--- Пробьемся! — говорит Сафар. — За мной, партизаны!

И первый идет вперед. Откуда стреляют, не видно, только падают и падают люди...

--- Лей-ей, Сафар, сдавайся! — кричат сверху. — Тебе не уйти!

Тяжела обида, но молчит Сафар, думает: «Как быть?»

— Сдавайся! — кричат ему. — Разве тымышь, чтобы уйти под землю? Разве ты сокол, чтобы подняться в небо?

И тогда еще раз решает Сафар выйти через проход.

— Партизаны, вы слышали, что говорят нам? — спрашивает Сафар.

— Слышали! — отвечают ему люди.

— Если мы не мыши и не соколы, а красные партизаны, разве мы не выйдем отсюда?

Ворвались люди последний раз в проход, но опять не прошли его, — всех положили вражьи пули. И где теперь только не было врага — всюду!..

Раненые кони, оборвав уздечки, с визгом и ржанием носились по долине. Люди искали и не находили прикрытий. Падали убитые...

— Сдавайтесь! — кричали отовсюду.

— Не сдадимся! — отвечали люди.

Свистя летели камни и пули.

— Лей-ей, воины Октября! — кликнул Сафар. — Помните, как Шамиль¹ учил умирать своих воинов?

И тогда все, кто остался в живых, разулись, засучили по локоть рукава, обнажили грудь и запели старинную боевую песню.

Собаки Гоцинского окружили последнюю кучку храбрых. В них стреляли в упор, их, усталых, рубили шашками. Падали воины, а Сафар все стоял у скалы и рубил врагов. И когда Сафар остался совсем один, слышит он — скала шепчет ему:

— Тебя окружают, берегись!

Сафар прижался спиной к скале.

— Смотри, справа тебя хотят схватить, защищайся!

Отразил Сафар удар, а уже слева его стерег второй. И второй удар отразил он.

— Сдавайся, Сафар! Не сдашься — возьмем мертвым, не уйдешь!

— Берите, если руки достанут!

¹ Ш а м и л ь — вождь горских народов Кавказа, боровшихся в середине прошлого столетия с русским самодержавием.

— Нагнись! — крикнула скала.

Нагнулся Сафар — камень пролетел над головой. Ударился камень о скалу, упал к ногам.

Вздогнула скала.

— Крепок ли ты? — спросила скала.

— Крепок, как ты, — ответил Сафар.

И только сказал он эти слова, ударил ему в грудь камень. Не дрогнул Сафар.

— Сдавайся! — закричали опять.

— И мертвым не сдамся!

— Живым возьмем!

Нависла над Сафаром скала ниже, выступила с боков — словно в пещеру ушел Сафар.

— Стойте! Я знаю, как взять его! — закричал один из нападающих.

Вложил шашку в ножны, приказал громко:

— Лей-ей, у кого есть мед? Несите сюда!

Принесли ему меду горных пчел. Он вырвал из шубы клочок шерсти, обвалял его в меду и бросил в Сафара. Шерсть попала на израненную грудь Сафара. Тут же, откуда ни возмись, слетелись мухи. Облепили они Сафару грудь, впились в открытые раны. Сафар сбросил липкую шерсть на землю. Но тут прямо в глаза попал второй комок шерсти. Мухи, жужжа, окружили глаза Сафара. Он тряхнул головою — отлетел комок в сторону. Потемнело в глазах у Сафара, зудит, чешется тело, копошатся в ранах мухи.

— Лей-ей, джигиты, кого призвали на помощь? Мух! — в ярости закричал Сафар гоцинским собакам.

— Сдаешься ты или нет? — спросили Сафара враги, готовясь бросить третий клочок шерсти.

— Зовите себе на помощь шакала, тогда я вам сдамся!

Бросили в Сафара шерсть. Упала шерсть на открытую рану у сердца. Окружили красную рану Сафара мухи и стали сосать из нее кровь. Хотел было Сафар той рукой, что держала сабельный клинок, отогнать мух, но тут враги схватили его.

Отшатнулась скала.

— Куда ты уходишь? — крикнул скале Сафар.

Подалась скала вперед.

— Помоги мне уйти из плена, — прошептал ей Сафар.

— Как я помогу тебе? — спросила скала. — Ты в руках врагов.

— Стой тверже! — сказал ей Сафар и со всей силы ударился головой об острый выступ.

Не покачнулась скала. Замертво упал к ее ногам герой Сафар.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

(Армянская сказка)

Жили-были два брата. Нужда их одолевала, и вот они решили: младший останется дома, а старший наймется в работники и будет посылать заработок домой.

Как задумали, так и сделали. Младший остался дома присматривать за хозяйством, а старший отправился в чужие края и нанялся к богатому хозяину.

Работать он уговорился до весны. Но хозяин поставил такое условие:

— Если до весны один из нас рассердится, пусть платит деньги. Если ты рассердишься — заплатишь мне тысячу рублей; я рассержусь — я тебе плачу тысячу.

— У меня и денег таких нет! — ответил работник.

— Ничего, вместо денег поработаешь у меня десять лет.

Работник сначала отказывался, потом подумал: «Что бы там ни было, не стану сердиться, а если хозяин рассердится, он мне еще заплатит тысячу», — и согласился.

На следующий день рано утром хозяин послал работника в поле.

— Пойди, — сказал он, — пока светло, возьми косу и коси до вечера.

Работник весь день проработал в поле. Вечером он, усталый, вернулся домой, а хозяин говорит:

— Почему вернулся?

— Как «почему»? Солнце зашло!

— Нет, этак нельзя! Я тебе говорил: покуда светло, надо косить. Солнце зашло, но зато взошла его сестра — луна. Она тоже неплохо светит.

— Что же это, и отдохнуть нельзя? — удивился работник.

— Да ты, видимо, сердишься? — спросил хозяин.

— Не сержусь... а только я сильно устал... Отдохну маленько, — ответил работник заплетающимся языком и пошел в поле работать.

Он косил до захода луны. Вслед за ней взошло солнце.

Работник, изнуренный, свалился наземь.

— Будь проклято и твое поле, и твой хлеб, и твои деньги! — начал он поносить хозяина.

При этих словах, откуда ни возьмись, появился хозяин.

— Да ты, никак, сердишься? Вспомни-ка уговор: либо плати тысячу рублей, либо поработай задаром еще десять лет.

Не знает работник, как быть: и денег нет, и работать у такого человека нельзя.

Думал он, думал и наконец дал хозяину расписку на тысячу рублей и с пустыми руками вернулся домой.

— Как дела? — спросил младший брат.

Старший ему все подробно рассказал.

— Не беда, не горюй, — сказал младший брат. — Теперь ты оставайся дома, а я пойду наймусь в работники.

И пошел к этому же хозяину.

Хозяин опять поставил условие: если рассердится работник — заплатит ему тысячу рублей или проработает на него бесплатно десять лет. Если же рассердится хозяин — он платит работнику тысячу рублей и отпускает на волю.

— Нет, этого мало, — сказал младший брат. — Если ты рассердишься, ты мне платишь две тысячи рублей; если же я — дам тебе две тысячи рублей или стану работать на тебя даром двадцать лет.

— Ладно! — радостно согласился хозяин.

И младший брат поступил к нему в работники.

На следующий день солнце поднялось, а работник все еще спит. Хозяин стал его будить:

— Вставай! Скоро полдень, а ты все лежишь!

— Чего ты сердишься? — спросил работник, открывая глаза.

— Что ты, что ты, я не сержусь! — ответил хозяин. — Я только хочу сказать, что пора итти в поле косить...

— Ладно, — лениво ответил работник, — успеется.

Наконец он встал и начал медленно обуваться.

— Поторопись, братец, этак нельзя!

— Да ты что: сердишься?

— Нет, нет, я лишь хочу сказать, что ты опоздаешь на работу.

— Это дело другое. Помни: наш уговор — нерушимый.

Покуда работник собирался, наступил полдень.

— Стоит ли работать теперь? — сказал он хозяину. — Видишь, все обедают. Давай-ка и мы пообедаем.

Сели они обедать. После обеда работник говорит хозяину:

— Люди мы трудовые, а потому нам нужно малость поспать, набраться сил, — и, уткнув голову в траву, заснул до вечера.

— Послушай, бойся бога, уже темнеет! Все скосили свои поля; одно лишь наше поле осталось нескошенным. Что это за наказание! — начал будить его хозяин.

— Да ведь ты сердишься? — подняв голову, спросил работник.

— Нет, нет, я не сержусь, я лишь хочу сказать, что стемнело и пора домой.

— Это другое дело. Пойдем!

Дома хозяин застал гостя.

Послал он работника на скотный двор зарезать овцу.

— Какую? — спросил работник.

— Какая попадется.

Работник вышел.

Через некоторое время к хозяину прибежали соседи:

— Твой работник с ума сошел: он режет овец одну за другой.

Выбежал хозяин из дому — видит, на самом деле: все его стадо зарезано. Тут он рассвирепел и стал ругаться во-всю:

— Что ты наделал, окаянный! Чтоб тебе провалиться!

— Ты ведь сам сказал: «Какая попадетса, такую и режь». А они все попались, — спокойно ответил работник. — Но ты, как я вижу, сердишься?

— Нет, нет, не сержусь. Только мне жалко, что ты все стадо истребил.

— Ладно, не сердишься, так буду работать, — ответил работник.

Младший брат проработал так несколько месяцев

и довел своего хозяина до отчаяния. Тот решил избавиться от работника.

По уговору работник должен был уйти с весенним кукованьем кукушки.

Между тем начиналась зима, и до кукушки было еще далеко. Думал, думал хозяин и решил проделать над работником шутку.

Он повел жену в лес, заставил ее влезть на дерево и велел ей куковать. А сам пошел домой и велел работнику собираться с ним в лес на охоту.

Когда они вошли в лес, жена хозяина и давай куковать:

— Ку-ку! Ку-ку!

— Ого! Поздравляю тебя: кукушка кукует. Твой срок кончается, — сказал хозяин.

Но работник мигом понял проделку хозяина.

— Нет, — сказал он. — Слыханное ли дело — кукушка среди зимы! Я эту кукушку должен убить и посмотреть, что за птица такая.

При этих словах он прицелился, направив ружье на дерево, где сидела жена хозяина.

Хозяин с криком бросился к нему и едва уговорил работника не стрелять.

— Да чтоб ты провалился, разбойник! Извел ты меня!

— Ты сердишься, как я вижу? — сказал работник.

— Да, да, братец, сержусь! — не выдержал хозяин. — Пойдем, уплачу тебе две тысячи по уговору, только отвяжись от меня. Теперь-то я понимаю, что значит старая поговорка: «Не рой чужому яму, сам в нее попадешь».

И младший брат, получив две тысячи рублей, вернулся домой.

АНАИТ

(Армянская сказка)

I

Однажды царский сын Вачаган и верный его слуга Вагинак охотились в горах. В полдень заехали они в деревню Ацик и присели у родника отдохнуть. В это время девушки из деревни пришли к роднику за водой. Вачагану захотелось пить. Он попросил воды. Одна из девушек, наполнив кувшин, поднесла его Вачагану. Вдруг другая вырвала кувшин и вылила воду. Потом она опять наполнила кувшин и снова вылила воду. У Вачагана от жажды пересохло горло, а девушка словно играла — то подставит кувшин под струю, то выльет. Лишь на шестой раз она подала кувшин Вачагану.

Вачаган напился и спросил у девушки:

— Почему ты не дала мне сразу напиток? Пошутила ты или хотела рассердить?

— У нас не в обычае шутить с незнакомцем, — ответила девушка. — Но вы устали и разгорячены, и холодная вода могла бы вам повредить. Оттого-то я и медлила.

Ответ девушки удивил Вачагана, а красота ее очаровала его.

Он спросил:

— Как тебя зовут?

— Анаит, — ответила девушка.

— Кто твой отец?

— Мой отец — здешний пастух Аран. Но зачем тебе наши имена?

— А разве грех спросить об этом?

— Если не грех, так скажи и ты: кто ты, откуда?

— Солгать тебе или правду сказать?

— Что считаешь более достойным для себя.

— Достойным я для себя считаю правду. А правда в том, что пока мне нельзя говорить, кто я. Но даю слово, что скоро откроюсь!

— Хорошо, а теперь отдай мне кувшин.

Простившись с царевичем, Анаит взяла кувшин и удалилась. Охотники вернулись домой.

II

Задумал царевич Вачаган жениться на прекрасной и мудрой Анаит. Царь и царица возмутились: разве можно царскому сыну жениться на дочери пастуха! Но Вачаган и слышать не хотел о другой невесте. В конце концов царь и царица согласились с его выбором. Они послали Вагинака и двух вельмож в Ацик съездиться к Анаит.

Пастух Аран принял их приветливо. Гости уселись на ковре, разостланном Араном.

— Что за чудесный ковер! — сказал Вагинак. — Его, должно быть, соткала хозяйка.

— У меня нет жены, — ответил Аран. — Она скончалась десять лет тому назад. Ковер соткан руками моей дочери Анаит.

— Даже у нашего царя нет такого красивого ковра. Мы рады, что дочь твоя искусна, — сказали вельможи. — Молва о ней дошла до самого дворца. Царь послал нас к тебе. Он хочет, чтобы ты выдал свою дочь за его единственного сына, наследника престола.

Вельможа ждал, что Аран не поверит или даже вскочит с места от радости. Но пастух не сделал ни того, ни другого. Он понурил голову и стал водить указательным пальцем по узорам ковра.

Вагинак сказал:

— Что ты опечалился, брат Аран? Мы принесли тебе радость, а не горе. Мы не хотим взять дочь твою силой. Пожелаешь — отдашь, не пожелаешь — не отдашь.

— Дорогие гости, — ответил Аран, — дело в том, что я не волен в моей дочери. Если она согласится, тогда и ничего не скажу против.

В это время вошла Анаит с корзиной спелых фруктов. Она поклонилась гостям, положила фрукты на блюдо и, подав его, села за пьалы. Вельможи глядели на нее, и все дивились быстроте ее работы.

— Анаит, почему ты работаешь одна? — спросил

Вагинак. — У тебя ведь много учениц, как я слышал, и ты учишь их грамоте?

— Да, — ответила Анаит. — Теперь даже пастухи наши, когда пасут стада, читают и учат друг друга. В наших лесах все стволы исписаны словами. Стены, камни и скалы исписаны углем. Один напишет слово, другие продолжают...

— У нас наука не в таком почете, — ответил Вагинак. — Городские жители ленивы. Но если ты придешь к нам, ты всех заставишь быть прилежными. Анаит, прерви работу, у меня к тебе дело. Посмотри, какие дары прислал тебе царь.

Вагинак достал шелковые платья и драгоценные украшения. Анаит мельком взглянула на них и спросила:

— За что же так милостив царь ко мне?

— Сын нашего царя, Вачаган, увидел тебя у родника — ты подала ему воды и понравилась ему. И царь послал нас просить тебя стать женой царевича. Это кольцо, это ожерелье, эти запястья — все это для тебя.

— Значит, тот охотник был царский сын?

— Да.

— Он прекрасный юноша. Но знакомо ли ему какое-нибудь ремесло?

— Анаит, он сын царя. Все подданные — его слуги. Ему ремесло ни к чему.

— Так-то так, но ведь господин может стать и слугой. Ремеслом же должен владеть всякий — и царь, и слуга, и князь.

Слова Анаит удивили вельмож. Но пастуху Арану понравились слова дочери.

— Значит, ты отказываешь царевичу только потому, что он не знает ремесла? — спросили вельможи.

— Да. И все, что вы принесли с собой, возьмите назад. И скажите царевичу, что он мне мил, но — да простит он мне! — я поклялась не выходить замуж за человека, не знающего ремесла.

Послы увидели, что Анаит тверда в своем реше-

нии, и не стали настаивать. Они вернулись во дворец и все рассказали царю.

Узнав о решении Анаит, царь и царица обрадовались. Теперь-то Вачаган откажется от своего намерения! Но Вачаган сказал:

— Анаит права. Я тоже должен быть в каком-нибудь деле мастером, как и все люди.

Царь созвал совет из вельмож, и все единогласно решили, что самое подходящее занятие для царицы — это ткать парчи. Из Персии привезли искусного мастера. За один год Вачаган научился ткать парчу и соткал для Анаит драгоценный кусок из тонких золотых нитей, который и послал ей.

Получив его, Анаит сказала посланному:

— Пословица говорит: «Судьбы испытанья ему нипочем: грянет нужда — станет ткачом». Объяви царице о моем согласии и отнеси ему в подарок этот ковер.

Начали готовиться к свадьбе и справляли ее семь дней и семь ночей

III

Однако вскоре после свадьбы исчез верный друг и слуга Вачагана, Вагинак. Его искали долго, пока наконец не потеряли всякую надежду его найти. Тем временем царь и царица, дожив до глубокой старости, скончались и царем стал Вачаган.

Однажды Анаит сказала мужу:

— Царь, я замечаю, что ты плохо знаешь свое царство. Люди не говорят тебе всей правды. Они говорят, будто все идет хорошо. А может быть, это не совсем так? Хорошо бы тебе время от времени обходить всю страну — то под видом нищего, то под видом рабочего или же торговца.

— Ты права, Анаит, — ответил царь. — Раньше, когда я охотился, я лучше знал народ. Но как я теперь уйду? Кто станет без меня управлять царством?

— Я, — ответила Анаит и добавила: — Никто и не будет знать о твоём отсутствии!

— Хорошо, завтра же я отправлюсь путешество-

вать. Если через двадцать дней я не вернусь, знай, что либо меня уже нет в живых, либо я попал в беду!

IV

Царь Вачаган стал в простой крестьянской одежде бродить по своему царству. Он много видел, много слышал и наконец попал в чужеземный город Перожд.

В городе на обширной площади был рынок, а вокруг рынка расположились мастерские ремесленников и лавки купцов.

Вачаган сел на этой площади. Вдруг он увидел толпу, которая шла за старцем. Старец ступал очень медленно. Перед ним очищали дорогу и под каждую его ногу подставляли по кирпичу. У первого встречного Вачаган спросил, кто этот старец. Ему ответили:

— Разве ты не знаешь? Ведь это наш великий жрец¹. Он до того свят, что даже ногой не ступит на землю, чтобы случайно не раздавить какое-либо насекомое.

Потом на площади расстелили ковер, и великий жрец преклонил на нем колени и стал отдыхать. Вачаган протиснулся поближе разглядеть и послушать старца. У великого жреца было острое зрение. Взглянув на Вачагана, жрец тотчас же понял, что перед ним чужеземец, и спросил:

— Кто ты такой и чем занимаешься?

— Я рабочий из чужой страны, — ответил Вачаган. — Я пришел в этот город работать.

— Хорошо. Идем со мной, я тебе дам работу и щедро заплачу.

Вачаган кивнул головой в знак согласия. Великий жрец шепнул несколько слов своим жрецам, и те разошлись в разные стороны. Через некоторое время они возвратились с носильщиками, нагруженными всевозможными припасами. Тогда великий жрец поднялся и направился к своему жилищу. Вачаган молча последовал за ним. Так они дошли до городских ворот.

¹ Жрец — священник.

Здесь великий жрец благословил народ, и все разошлись. Остались только жрецы, носильщики да Вачаган. Удалившись от города, они добрались до высокой стены. Великий жрец достал огромный ключ и открыл ворота. За стеной на площади возвышался храм. Носильщики опустили ноши на землю. Великий жрец привел носильщиков и Вачагана к храму, открыл железную дверь и сказал:

— Войдите, здесь вам дадут работу.

Они молча вошли и очутились в мрачном подземелье. Великий жрец запер за ними дверь. Обратный путь был отрезан, Вачаган и его спутники пошли вперед.

V

Они шли долго и вышли к пещере, из которой раздавались стенания и крики. Много людей корчилось там в предсмертных муках. В пещере стояли громадные котлы, в которых, видимо, варился обед. Вачаган наклонился над одним из котлов и с ужасом отступил, ничего не говоря товарищам. Потом они очутились в новом коридоре. Здесь в полумраке работало несколько сот мертвенно бледных людей: одни вышивали, другие ткали, третьи шили. Похожий на мертвеца человек сказал Вачагану:

— Дьявол-жрец, который обманом завлек вас сюда, привел в эти подземелья и нас. Я не знаю, сколько лет я здесь; тут нет ни дня, ни ночи, а лишь вечный, бесконечный сумрак. Я знаю только, что все, кто сюда со мной попали, все погибли. Сюда завлекают людей, и знающих какое-нибудь ремесло и не знающих. Первых заставляют работать до самой смерти, вторых уводят на бойню, и они попадают в те ужасные котлы, которые вы видели. Старый дьявол-жрец не один: все жрецы ему помогают.

Вачаган, приглядевшись, узнал в говорившем своего преданного Вагинака. Но он ничего не сказал, чтобы радость встречи не прервала тонкую нить жизни Вагинака.

VI

Когда Вагинак ушел, Вачаган спросил у своих спутников, кто они и что умеют делать. Один назвался портным, другой — ткачом, а остальных Вачаган решил объявить своими помощниками. Вскоре раздalisь шаги и перед ними предстал свирепый жрец, сопровождаемый вооруженной толпой слуг.

— Это вы новоприбывшие? — спросил жрец.

— Да, мы слуги твоей милости, — отвечал Вачаган.

— Кто из вас знает ремесло?

— Все! — сказал Вачаган. — Мы умеем ткать драгоценную парчу, которая во сто раз дороже золота.

— Неужели так дорого стоит ваша ткань?

— Я не лгу. Ведь ты всегда можешь проверить меня.

— Ладно. Я проверю. Теперь скажите, какие инструменты и материалы вам нужны, и пойдете работать в общую мастерскую.

— Там наша работа не удастся, — возразил Вачаган. — Нам лучше работать здесь. А что до пищи, то знай, что мы не мясоеды, от мяса мы можем умереть.

— Хорошо, — сказал жрец. — Я вам пришлю хлеба и овощей, но если работа ваша окажется не столь драгоценной, как вы хвалитесь, я отправлю вас на бойню да велю еще хорошенько помучить перед смертью.

Жрец прислал им плодов и хлеба, и Вачаган принялся за работу. Он быстро соткал кусок великолепной парчи и покрыл ее узорами. Эти узоры рассказывали о всех муках адского подземелья, но прочесть эти узоры мог не всякий.

Жрец был очень доволен работой.

Тогда Вачаган сказал жрецу:

— Прежде я тебе говорил, что наша ткань во сто крат ценнее золота. Так знай, что на самом деле она стоит вдвое больше, так как на ней вытканы талисманы¹. Жаль, что простые люди их не оценят. Их поймет лишь мудрая царица Анаит.

¹ Талисман — предмет, которому суеверные люди приписывают волшебную силу приносить богатство, охранять здоровье, спасти от смерти и т. п.

Жадный жрец, услышав об истинной стоимости парчи, решил никому не уступать наживу. Он ничего не сказал великому жрецу и даже не стал показывать ему парчу, а взял ее и отправился к царице Анаит.

VII

Анаит хорошо управляла страной, и все были довольны. Никто не знал даже, что царь в отъезде. Но сама царица была очень встревожена: прошло уже десять дней после назначенного срока, а Вачаган все не возвращался.

Однажды утром ей доложили о прибытии чужеземного купца с дорогим товаром.

Анаит приказала привести незнакомца.

Человек со страшным лицом отвесил царице низкий поклон и поднес на серебряном подносе золотую парчу. Она поглядела на ткань и, не обратив внимания на узоры, спросила:

— Какая цена твоей парче?

— Милостивая госпожа, она в триста раз дороже золота, считая только работу и материал, а мой труд и усердие оценит твоя милость.

— Неужели так дорога она?

— Милостивая царица, в ней скрыта неоценимая сила. Ты видишь эти рисунки? Это не простые узоры, а талисман. Тот, кто их носит, всю жизнь не знает горя и грусти.

— Неужели? — спросила Анаит, развернула парчу, рассмотрела ее внимательно и заметила узоры из букв. Анаит молча прочитала их:

«Несравненная моя Анаит, я попал в страшный ад. Доставивший парчу — один из демонов-хранителей этого ада. Со мной Вагинак. Ищи нас к востоку от Перожа, под храмом, обнесенным стеной. Без твоей помощи мы все погибнем.

Вачаган».

Потрясенная Анаит прочитала письмо второй и третий раз. Она притворилась, будто любуется узорами, и сказала:

— Ты прав, узоры твоей парчи обладают веселя-

щей силой: еще утром я грустила, а сейчас мне стало легко и радостно. Парче этой нет цены. За нее мне не жаль отдать полцарства. Но приведи ко мне и того кто сделал эту парчу. Надо его наградить так же, как и тебя.

— Милостивая царица,—ответил жадный жрец,— я не знаю, кто ее сделал. Я купил ее в Индии у одного еврея, который купил ее у араба, а уж араб — кто знает, где ее достал!

— Но ты ведь только что сам говорил, во сколько обошлись тебе материал и работа. Значит, ты не покупал парчи, но сам дал ее выткать.

— Милостивая царица, мне так говорили в Индии, а я...

— Замолчи! — крикнула Анаит. — Я знаю, кто ты!.. Эй, слуги! Взять этого человека и бросить в темницу!

VIII

После того как было исполнено это приказание, Анаит собрала свое войско, села на доброго коня, скомандовала: «Вперед! За мной!» и помчалась в Перож. На площади Перожа она осадила разгоряченного коня. Жители приняли ее за сошедшее с неба божество: так была прекрасна Анаит.

— Покажите мне, где ваш храм, — сказала Анаит жителям города.

Они повели ее к храму, и все пошли за ней следом.

Жрецы подумали, что это к ним идут богомольцы, и открыли первую железную дверь. Анаит въехала на площадь и приказала открыть храм. Тут жрецы поняли, что злодеяния их открыты. Главный жрец кинулся на отважную наездницу, но умный конь Анаит затоптал его копытами.

Воины Анаит быстро покончили с остальными жрецами. Народ со страхом и недоумением следил за происходящим.

— Подойдите поближе, — крикнула Анаит. — Посмотрите, что скрыто в святилище ваших богов!

Быстро взломали двери храма. Ужасное зрелище представилось народу. Из адской норы стали выпол-

зять люди, похожие на мертвецов. Многие еле держались на слабых ногах; ослепнув от света, они шатались и брели, как муравьи. Последними вышли Вачаган и Вагинак. Они шли с закрытыми глазами, чтобы яркий дневной свет не лишил их зрения. Воины ворвались в ад и стали выносить оттуда тела умерших, орудия пыток, инструменты. Горожане помогали им.

Вагинак узнал Анаит и Вачагана. Он припал к руке своей госпожи и заплакал:

— Несравненная царица, ты нас спасла сегодня!

— Ошибаешься, Вагинак, — возразил Вачаган. — Царица нас спасла еще давно, еще тогда, когда она спросила: «А знает ли сын вашего царя ремесло?» Помнишь, как ты смеялся в ответ?

* * *

По всем городам и селам разнеслась весть о приключении царя Вачагана. Даже в других странах говорили об этом, и все восхваляли Вачагана и Анаит. Народные певцы — ашуги — слагали про них песни. Жаль, что эти песни не дошли до нас. Зато до нас дошла сказка о Вачагане и Анаит.

КАРАЗЫРА

(Кабардинская сказка)

У одного старого пши¹ была лошадь. Звали ее Каразыра. Пши очень любил эту лошадь. Он дал такую клятву: «Повешу всякого, кто скажет, что эта лошадь издохла!» И вот наконец Каразыра издохла. Весь народ был в страхе — никто не хотел пойти с этой вестью к старому пши. Тут один мальчишка, по имени Такун, и говорит:

— Пойду сообщу пши о случившемся.

Вот пришел Такун во время завтрака к старому пши, поздоровался.

¹ Пши — знатный помещик.

— Ну как, селение здорово? — спрашивает старый пши.

— Здорово, с ним ничего не случилось, — отвечает Такун.

— Ну, а как поживает моя Каразыра?

— А вот не знаю. У нее были глаза, но они уже не смотрят; были ноги, но уже не ходят. Один бок у нее в воде, а другой высох на солнце, — отвечает Такун.

— Издохла моя Каразыра! — закричал старый пши.

— Не я сказал, что она издохла. Ты сам говоришь «издохла», значит надо тебя сейчас же повесить — ведь ты дал такую клятву.

Испугался старый пши:

— Ах, виноват, я ошибся! Прошу тебя простить меня.

— Ну, дашь коня со всеми доспехами — пожалуйста помилую тебя, — отвечал мальчишка.

И хитрый Такун получил от старого пши коня с доспехами, а от всего селения благодарность.

БЛОХА И КЛОП

(Осетинская сказка)

В одной горской сакле жил-был бедняк. А у того бедняка жил в кровати клоп, а в бешмете жила блоха.

Хорошо жилось у бедняка клопу в кровати, а блохе в бешмете. И кто знает, сколько бы жили так блоха и клоп, если бы не постигла их беда.

Заболел вдруг бедняк. Заболел и вскоре умер. Потом пришли соседи и бедняка на кладбище похоронили, а блоха и клоп остались круглыми сиротами.

Погоревали, погоревали блоха и клоп, и захотелось им есть, а есть нечего, захотелось им пить — и пить нечего.

Побежали они по кровати, побежали по земле, по всей сакле побежали и нигде не нашли ни еды, ни питья.

— Сосед, сосед, что нам делать? Что нам пить, что нам есть? — спросила тогда блоха у клопа.

А клоп ей отвечает:

— Давай-ка пойдем мы бродить по свету и найдем другого бедняка. Не с голоду же нам помирать.

— Верно ты говоришь, мудрый клоп! — закричала блоха и даже подпрыгнула от радости.

И вот блоха и клоп отправились в далекий путь искать другого бедняка.

Бежит клоп и ножками перебирает, а рядом с ним бежит блоха и ногами в траве путается: ходить не может, только прыгает.

— Сосед, — говорит тогда блоха клопу, — ты побеги вперед, а я подожду, потом прыгну и догоню тебя.

— Хорошо, — отвечает клоп блохе и еще быстрее побежал по траве, по песчинкам и по камушкам.

А блоха подождала, подождала, а потом, как увидела, что клоп далеко, прыгнула и вмиг догнала его.

Много ли, мало ли шли так блоха и клоп — кто знает! Наконец пришли они к реке.

— Перепрыгнем через реку, — говорит блоха клопу.

— Перепрыгнем, — отвечает ей клоп.

Тут блоха присела на землю, потом подскочила и вмиг перепрыгнула через реку.

Перепрыгнула блоха через реку и с того берега кричит клопу:

— Эй, клоп! Теперь ты прыгай через реку. Да смотри в воду не упади.

— А то, думаешь, не прыгну? Чем я хуже тебя? — обиделся клоп.

Потом разбежался клоп, прыгнул, да не допрыгнул до другого берега, а шлепнулся в воду прямо на середину реки. Испугался клоп и подумал: «Смерть моя пришла!» Подумал так и закричал в страхе:

— Эй, соседка! Спаси, погибаю!

Увидела блоха, как клоп упал в реку, и запрыгала от страха. Услыхала она слова своего друга клопа и еще сильнее запрыгала. Хочет блоха помочь клопу в беде, да не знает, что ей делать.

— О бедный клоп! — закричала блоха. — Скажи мне сам, как тебя вытащить из воды?

— Брось мне конец щетины.

— А где найти щетину? — опять кричит блоха клопу.

— В лесу у кабана, — отвечает клоп, а сам в воде барахтается, чтобы не утонуть. — Скорей, скорей, а то утону!

— Сосед! — закричала тогда блоха клопу. — Подожди меня, не тони: я мигом сбегаю в лес и возьму у кабана щетину.

Блоха прыг-прыг — и поскакала в темный лес. Нашла она там кабана и говорит ему:

— Кабан, кабан! Дай мне щетину: я вытащу из реки моего друга клопа.

— Сначала попроси у дуба побольше желудей для меня. Я их съем и дам тебе щетину, а ты той щетиной вытащишь из воды своего друга клопа, — захрюкал в ответ блохе кабан.

Поскакала тогда блоха к дереву дубу и говорит ему:

— О добрый старый дуб! Дай мне желудей. Я дам их кабану. Кабан съест те жолуди и даст мне щетину. Я побегу тогда к реке и вытащу из воды бедного клопа.

Зашумел добрый старый дуб, и так ответил он блохе:

— Скажи кирге-птичке, чтобы она больше не рыла землю подо мной. Перестанет она рыть землю,

тогда я дам кабану много-много желудей. Кабан съест жолуди и даст тебе щетину. Той щетиной ты вытащишь из реки своего друга клопа.

Прыг-прыг --- поскакала блоха к кирге-птичке и говорит ей:

— Кирга, кирга, перестань рыть под дубом землю. Тогда дуб даст кабану много-много желудей. Кабан съест те жолуди и даст мне щетину. Той щетиной я вытащу из воды бедного клопа.

— А ты скажи лучше кошке, чтобы перестала она таскать моих маленьких деток, — в ответ блохе запела кирга-птичка. — Перестанет она таскать деток, тогда я тоже перестану рыть у дуба корни. Дуб даст кабану много-много желудей. Кабан даст щетину. Ну и вытаскивай тогда щетиной своего друга из воды.

«Делать нечего, — подумала блоха, — надо к кошке поскакать». И поскакала блоха к кошке.

— Кошка, кошка! — кричит блоха. — Не таскай деток у кирги-птички. Кирга-птичка перестанет рыть под дубом землю. Дуб даст много-много желудей. Кабан съест те жолуди и даст мне щетину, а я той щетиной в один миг вытащу из воды бедного клопа.

— Пусть бог зверей Афсати поможет тебе в этом добром деле, — мяукает блохе кошка. — А я тебе ничем помочь не могу, пока корова не даст мне молока. Вот принеси мне молока, тогда я, клянусь тебе усами, перестану есть деток у кирги-птички. Кирга перестанет рыть у дуба корни. Дуб даст кабану много желудей. Кабан даст тебе щетину. А дальше пусть тебе помогут лесные духи.

Видит блоха — не уговорить ей кошку, и — прыг-прыг — поскакала к корове.

— О добрая корова! — говорит блоха корове. — Дай кошке молока, кошка слижет молоко и перестанет есть маленьких деток у кирги-птички. Кирга перестанет рыть под дубом корни. Дуб даст много-много желудей. Кабан съест жолуди и даст мне щетину. Той щетиной я вытащу из реки моего бедного друга клопа.

— Для доброго дела я не пожалею молока, — мычит блохе корова. — Возьми у меня молока и дай кошке. Кошка слижет молоко и перестанет есть деток у кирги-птички. Кирга перестанет рыть под дубом землю, а дуб даст желудей. Съест их кабан и даст тебе щетину. Вот и вытащишь ты клопа из воды. Пусть горные духи пошлют тебе удачу.

— Да благословит тебя аллах! — сказала блоха корове, а сама так обрадовалась, будто досыта крови напилась; даже прыгать стала, как сытая блоха.

Потом взяла блоха у коровы молока и побежала к кошке. Кошка слизала молоко, язычком расчесала белые усы, глаза закрыла и говорит блохе:

— Скажи кирге-птичке: не то что таскать и есть ее деток, даже смотреть на них не стану.

Блоха побежала к кирге-птичке и сказала ей про то, что кошка не то что есть, даже смотреть не будет на ее маленьких деток.

— Ну, и я не буду рыть у дуба корни, — отвечает кирга блохе.

Тогда побежала блоха к дереву дубу.

Зашумел добрый старый дуб и дал кабану много-много желудей, а кабан дал блохе щетину.

Взяла блоха щетину у кабана и прибежала к реке. Смотрит: совсем тонет ее друг клоп. Испугалась тут блоха, бросила она один конец щетины в реку и закричала:

— Сосед, держись крепче за щетину!

Увидел клоп щетину, обрадовался. Напряг он последние силы, крепко ухватился ножками за щетину, и блоха вытащила его из воды.

Вытер клоп мокрые усы о траву и мокрые лапки о песок, вздохнул глубоко и сказал блохе:

— Да будет счастлива твоя жизнь вовеки! Ты спасла меня от смерти.

— Не меня благодари, а кабана, — отвечает клопу блоха. — Не дай мне кабан щетины, не быть бы тебе в живых.

— Правду ты говоришь, — сказал клоп блохе. — Тогда пойдем к кабану и скажем ему спасибо.

— Вот скоро три дня и три ночи, как мы не ели и не пили, — говорит блоха. — Пойдем-ка лучше искать, чего бы попить и поесть.

— Сначала спасибо скажем кабану, а потом пойдем искать, где бы нам попить и поесть, — сказал клоп блохе.

Хоть болят ножки у блохи и в брюхе пусто, да что тут поделаешь!

Вот и пошли блоха и клоп в лес к кабану.

Мало ли, много ли шли блоха и клоп, наконец пришли они в лес прямо к кабану.

— Ты дал блохе щетину. А блоха той щетиной вытащила меня из воды. Пусть бог зверей Афсати поблагодарит тебя за то, что ты помог мне в моей беде.

— Не меня благодари, а дубу скажи спасибо, — хрюкает кабан. — Дуб дал мне много-много желудей. Я их съел и дал блохе щетину. Вот блоха и вытащила тебя из реки.

Пошли тогда блоха и клоп к дереву дубу.

— О великий дуб! — сказал клоп дереву дубу. — Ты спас меня от смерти: дал кабану много-много желудей. Кабан съел их и дал блохе щетину. Прибежала блоха со щетиной и вытащила меня из воды. Пусть за это аллах даст тебе долгую жизнь.

— Мне аллах давно дал долгую жизнь, — зашумел старый дуб в ответ. — Ты лучше кирге-птичке пожелай долгой жизни, да и спасибо ей скажи за то, что перестала она рыть землю у моих корней. Вот я и дал кабану много-много желудей. Кабан их съел и дал блохе щетину. А блоха вытащила тебя из воды.

Побежали тогда блоха и клоп к кирге-птичке.

— О хорошая кирга-птичка! — говорит клоп. — Благодарю тебя за то, что ты перестала рыть у дуба

корни. Дуб дал желудей. Кабан дал щетину, и блоха вытащила меня из воды.

— Не мне говори «благодарю», а кошке, — запела кирга в ответ клопу. — Кошка перестала есть моих деток. Поэтому перестала я рыть у дуба корни. Дуб дал много-много желудей, а кабан дал блохе щетину. Той щетиной блоха вытащила тебя из воды.

Тогда говорит клоп блохе:

— Пойдем кошку искать.

— Делать нечего, пойдем, — отвечает блоха клопу.

И пошли блоха и клоп искать кошку.

Вот нашли они кошку, и закричал ей клоп:

— Кошка, кошка! Да поможет тебе Афсати за то, что перестала ты таскать деток у кирги-птички. Кирга-птичка перестала рыть под дубом землю. Дуб дал кабану много-много желудей. Кабан съел их и дал блохе щетину. А блоха меня той щетиной вытащила из воды.

Пошевелила кошка белыми усами, зевнула сладко, а потом отвечает она клопу:

— А чего мне еще таскать птенцов у глупой кирги-птички, когда досыта наела я молока? Корова дала мне молока, и я даже смотреть перестала на гнездо кирги-птички. Кирга перестала рыть под дубом землю. Дуб дал желудей. Кабан наелся досыта желудей и дал блохе щетину, а блоха вытащила тебя из воды. Поди-ка лучше к корове и скажи ей спасибо.

— Хорошо, — сказал клоп и побежал к корове.

Бежит клоп по песчинкам и камням, а блоха прыгает за ним.

Много ли, мало ли бежали блоха и клоп — кто знает! Наконец они прибежали на пастбище, смотрят, а на траве пасется добрая корова.

Подбежали блоха и клоп к корове. Тут клоп стал на задние ножки, вытянул шею и закричал:

— О добрая корова! Если бы ты не помогла мне, я утонул бы в реке. Ты самая добрая корова на свете. Это ты дала кошке молока. Кошка слизала молоко и перестала таскать маленьких деток у кирги-птички.

Кирга перестала рыть под дубом землю. Тогда дуб дал много-много желудей. Кабан съел их и дал блохе щетину. А блоха той щетиной вытащила меня из воды. Пусть духи гор, лесов и равнин продлят твою жизнь вовеки за то, что ты спасла мне жизнь.

Вытянула корова шею, замычала и сказала клопу:

— Для доброго дела мне не жалко молока. Как услышала я про твою беду, пожалела тебя и дала кошке молока. Кошка слизала молоко и досыта наелась. А как наелась, перестала она таскать деток у киргиптички. Вот кирга-птичка и перестала рыть под дубом корни. Дуб дал много-много желудей. Кабан наелся желудей и дал блохе за это щетину. Той щетиной блоха вытащила тебя из воды. Если бы не пастух, не щипала бы я шелковой травки и не дала бы кошке молока. Поэтому скажи лучше пастуху спасибо.

— И то правда, — говорит клоп. — Соседка, пойдем тогда к пастуху.

— Пойдем, — отвечает ему блоха.

И побежали блоха и клоп по дороге, прямо к пастуху. Бегут голодный клоп и голодная блоха по дороге, бегут прямо к пастуху. Смотрят: спит бедный горец у самой сакли и ветер из ноздрей пускает.

«Наверное, это пастух и есть», подумали блоха и клоп. Подошли они поближе к пастуху и говорят ему:

— Привет тебе, добрый горец!

Ничего не сказал им горец, только еще сильнее пустил ветер из ноздрей.

Тогда клоп что было духу закричал:

— О добрый человек! Ты пас корову на шелковой траве. Корова дала кошке молока. Кошка слизала молоко и перестала таскать деток у киргиптички. Кирга-птичка перестала рыть под дубом корни. Тогда дуб дал мно-

го-много желудей. Кабан наелся вдоволь желудей и дал моей соседке-блохе одну щетину. А блоха-соседка бросила конец щетины в воду и вытащила меня из реки. Вот и пришли мы с блохой благодарить тебя за то, что ты спас мне жизнь. Пусть аллах даст тебе здоровья.

Сказал так клоп и ждет ответа, а возле стоит блоха и тоже ждет ответа.

Ждет клоп. Ждет блоха.

«Может, проснется, если покашляю», подумал клоп. Подумал и стал он громко кашлять. Услыхала это блоха и тоже начала кашлять.

Много ли, мало ли ждали блоха и клоп, много ли, мало ли кашляли они — кто знает! Наконец надоело клопу стоять так и кашлять, вот и говорит он блохе:

— Эй, соседка! Видно, пастух не хочет с нами говорить.

Только сказал клоп эти слова, как вдруг пастух повернулся на другой бок и так придавил блоху и клопа, что потемнело у них в глазах и в ногах кости захрустели.

Еле-еле выбрались они на траву и стали осматривать друг друга. Видят: у клопа отломалась вся ступня, а у блохи — целая ножка.

Заплакали тогда блоха и клоп горячими слезами. Заплакали от боли. Заплакали они от обиды.

Плачет клоп, плачет и говорит:

— Что я буду делать без ступни? О бедный, о несчастный я клоп!

Плачет блоха, рыдает и говорит:

— О великий Афсати, за что ты покарал меня? Что теперь я буду делать без ноги?..

Плакали, плакали блоха и клоп. Кто знает, сколько они плакали! Наконец захотелось им пить и есть. Перестали они плакать. Вот блоха и говорит клопу:

— Скажи мне, мудрый клоп, куда нам теперь идти, несчастным калекам? Где найдем мы себе пропитание?

Подумал, подумал мудрый клоп, вытер слезы о траву, вздохнул глубоко и сказал блохе:

— У тебя нет ноги, а у меня нет ступни. И виноват в этом злой пастух. Останемся лучше у него и отомстим ему за наши обиды. Хоть весь мир обойдем, не найти нам горца беднее, чем этот пастух.

— Да будут золотыми твои слова! — вскричала блоха от радости. — Совсем искалечил нас злой горец, так пусть же и кормит нас до самой смерти!

И порешили блоха и клоп поселиться у бедного пастуха. Побежали они к нему за пазуху и стали там пить и есть, от радости даже про свои больные ноги позабыли.

А сколько они жили у пастуха за пазухой, про то я ничего не знаю.

ВОЛК И ЛИСА

(Дагестанская сказка)

Не стерпел верблюд хозяйского тиранства и ушел куда глаза глядят, хоть уж зимнее время подходило.

Вдруг навстречу ему лиса:

— Будь здорова твоя голова, верблюд! Куда бредешь?

— Да умножатся твои бараны, лиса! От хозяина ушел вольного корма искать.

— О! И я того же ищу. Пойдем вместе.

Пошли дальше. Встретился им барсук и тоже в товарищи назвался. А потом и волк присоединился.

Забились они в горы, в самую глушь, зимовать. Немного пожили — пошли снега глубокие, наступили морозы лютые, нечего товарищам есть. Лиса и говорит волку с барсуком:

— Не миновать нам, братцы, верблюда есть.

— Оно бы хорошо, — говорит волк, — только нам с верблюдом не справиться: ишь, какой он большой да сильный.

— Эх ты! Все бы тебе насильно! — говорит лиса. — А я и без силы управлюсь, только ты помогай мне: лежи, как мертвый, и не шевелись, что бы я с то-

бой ни делала. А когда я крикну: «Оживи, волк!» — сразу вскочи.

Волк согласился. Подошла лиса к верблюду и говорит:

— Что, плохо тебе, верблюд?

— Плохо, лиса. Так зимы не выживешь: с голоду пропадешь.

— То-то и есть. А мы, дикие звери, ничего: чудесно зиму терпим. Вон, смотри, волк уже приспособился: умер на зиму, лежит не дышит. Придет весна, я кину его в живую воду — он и оживет. Зимой-то ему есть и не надо.

— Неужели правда? — спрашивает верблюд.

— Ну вот, стану я тебя обманывать. Чтобы моя шерсть вылезла, если вру! Да чего лучше, смотри: я его сейчас оживлю. Вот здесь в ручье и живая вода.

Кинула лиса волка в ручей и закричала: «Оживи, волк!» Волк тотчас ожил.

— Чего там думать, — говорит лиса. — Давай, верблюд, мы тебя зарежем на зиму. А как травка зеленая весной покажется, я тебя оживлю. Все лучше, чем голодной смертью исподволь помирать.

Подумал, подумал верблюд и согласился.

— Ну, хорошо, — говорит, — режь, только сразу.

Зарезали звери верблюда, сняли шкуру, разделили мясо на куски, и пошла лиса с барсуком к ручью —

голову и внутренности верблюжьей мыть. Моют, моют, лиса и говорит:

— Есть хочется. Давай, барсук, съедем кусочки, какие полакоее.

— А волк-то? Он ведь все куски пересчитал.

— Вот важность! Выпутаемся! Ты только смотри на меня, когда он спрашивать будет.

Съели лиса с барсуком верблюжий мозг и сердце, а остальное принесли к волку. Волк посмотрел, посмотрел и рассердился.

— Ах вы, разбойники!— кричит. — А где же мозг?

Барсук обернулся к лисе, а лиса отвечает:

— Ишь, чего захотел — мозга! Да кабы он был у верблюда, разве бы верблюд позволил себя зарезать?

— Ну, ладно, — говорит волк, — а сердце верблюжье где?

Барсук опять оглянулся на лису.

— Э-э, — говорит ему лиса, — чего, кум, на меня смотришь? Небось, когда сердце ел, на меня не оглядывался!..

Как кинется волк на барсука, тот — бежать, волк — за ним. Гонялся, гонялся и все бестолку. А лиса тем временем все верблюжье мясо собрала и в свою нору запрятала.

Пришел волк сердитый, не поймавши барсука. Смотрит — а мяса нет.

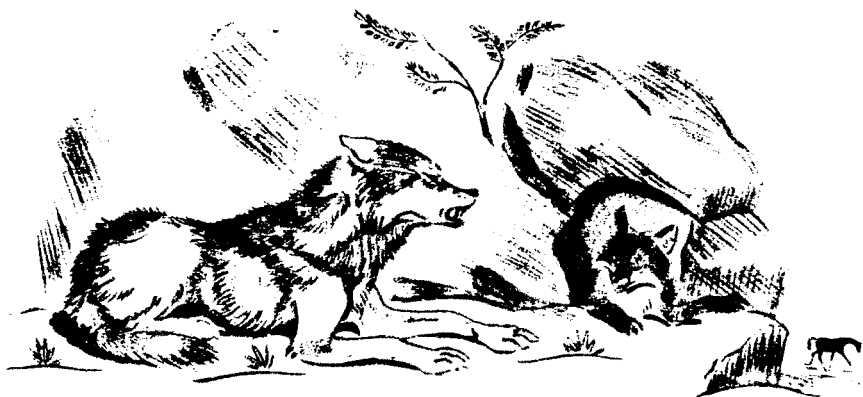
— Где мясо?

— Какое мясо?

— Как какое? Ведь мы вчетвером тут жили?

— Вчетвером жили.

— Верблюда зарезали, а барсук убежал?

— Убежал.

— Так где же верблюжье мясо?

— Какое мясо? Ты спрашиваешь: «Барсук убежал?» Я отвечаю: «Убежал». А ты — мясо!

— Фу ты, бестолковая какая! — рассердился волк и опять давай лису сначала спрашивать.

Та все хорошо помнит, а как дойдет до верблюжьего мяса, то ничего не помнит и не понимает.

Бился с ней волк, бился.

— Нет, — говорит, — ты, лиса, меня за нос водить хочешь. Говори, где мясо, а то разорву тебя.

Лиса шмыг в свою нору и затаилась там. Лег волк около норы и говорит:

— Хоть пропаду здесь, а дождусь, когда ты вылезешь, и разорву тебя: из твоей норы верблюжьим мясом пахнет.

Выглядывает лиса потихоньку из норы и видит, что недалеко бредет конь: от табуна, должно быть, отбился.

— Волк, а волк, — говорит лиса, — ведь это о тебе пословицу сложили: «Кто бросать не умеет, за большой камень хватается». Ну куда тебе со мной сладить! Гляди-ка, вон конь идет — это нам аллах посылает за то верблюжье мясо, которое ты во сне видел. Съедем-ка коня.

Волку давно надоело лису стеречь, да и есть смерть как хочется. Согласился он лису из норы выпу-

стить, отошел в сторонку. В то время конь совсем близко к ним подошел. Лиса ему и говорит:

— Что, конь, видно, «плохие шутки зимой с горой, а летом с рекой». Голодаешь?

— Голодаю, лиса: от табуна отбился.

— И мы с голоду пропадаем. Видно, одного из нас другим съест придется.

А волк ей потихоньку:

— Чего ты с ним, мокрый язык¹, лясы точишь? Накинемся сразу и зарежем.

— Нельзя: убежит он от нас, куриная ты голова! Надо, чтобы он сам согласился. Да я его уговорю. Слушай, конь, давай так решим: того есть, кто из нас самый младший.

Конь и волк согласились.

— Я, — говорит волк, — самый старший из вас, потому что молодым еще с Ноем в ковчеге² ездил. Помню: когда умер он, сыновья его между собой долго воевали; я еще их и помирил.

Как заплачет лиса:

— Ох, волк, не напоминай ты мне, ради аллаха, об этой войне: я в ней старших внуков потеряла, уже женатые были; мне, старухе, пришлось сирот-правнуков поить, кормить и нянчить...

А конь говорит:

— Ну я, должно быть, старше вас; только не знаю, сколько мне лет: я неграмотный. Первый хозяин на моей кривой задней подкове мои годы и свое имя написал.

— Врет, должно быть, — говорит лиса, — что он старше нас. Почти-ка, волк, что у него там написано, а то я от старости плохо уже вижу.

Волк сдуру сунулся, а конь его как хватит копытом по лбу — так волк и покатился; лежит кверху ногами, высунул язык.

¹ «Мокрыми языками» называют в Дагестане болтунов.

² Ноев ковчег — корабль, который, по старинному церковному преданию, построил себе благочестивый Ной. Предание это рассказывает о всемирном потопе, когда погибло все живущее на земле. Спасся только в своем ковчеге один Ной с семьей, разными животными и птицами. Ной и его семья продолжали человеческий род на земле.

— Спасибо тебе, конь, — говорит лиса, — не то волк и тебя и меня разорвал бы!

И ушла в свою нору верблюжатину есть, а конь побрел к табуну.

СЛЕДОПЫТ

(Казахская сказка)

У одного человека ушел из каравана верблюд.

Хозяин поехал его искать. В степи он нагнал всадника. Поздоровались, закурили.

— Потерял я верблюда, — пожаловался человек. — Ты не видел моего верблюда?

— Твой верблюд слеп на левый глаз и не имеет передних зубов?

— Да, да! — обрадовался человек. — Где же он?

— Не знаю, где твой верблюд. Я только вчера видел его следы.

Но хозяин верблюда обвинил всадника в воровстве и повез его к судье.

Всадник сказал судье:

— Я могу еще кое-что добавить к приметам.

— Ну, говори!

— На одной стороне вьюка этого верблюда был привязан бочонок с медом, на другой — пшеница.

— Он! Он! Вор! — закричал владелец верблюда.

Даже судья поверил этому, но все же спросил у обвиняемого:

— Ты видел верблюда?

— Нет.

— Как же ты можешь все это знать?

— Что верблюд слеп на левый глаз, я понял по тому, что он щипал траву только на правой стороне тропинки.

— А откуда ты знаешь, что у верблюда нет передних зубов?

— Ощипывая траву, он оставлял посредине пучки любимой колючки.

— Ну, а откуда ты знаешь, что во вьюке были мед и пшеница?

— Очень просто: по одну сторону тропинки сидели мухи на каплях меда, а по другую — прыгали воробы, разыскивая зерна пшеницы.

— И это верно! — воскликнули вместе судья и человек, потерявший верблюда.

ЧУДЕСНАЯ ШУБА АЛДАР-КОСЕ

(Казахская сказка)

Зима пришла злющая, холодная, такая зима, что только в лисьей шубе тепло.

Хитрец Алдар-Косе в своей дырявой-предырявой шубенке мерзнет каждый день. Едет он раз по степи — руки, ноги озябли, весь дрожит, нос посинел — и не знает, как из беды выкрутиться. Ветер свистит, за уши хитреца хватает.

Не видно в степи нигде дыма из юрт. Напрасно

машет камчой¹ Алдар-Косе: тощий конь не бежит, старый конь взмахнет гривой и опять шагом идет.

«Плохой конь... Долгая дорога... — качая головой, говорит сам себе всадник. — Ехать еще далеко, собачьего лая не слышно, и юрты в степи не видать. Холодно, ветрено, можно замерзнуть совсем».

Вдруг он видит — навстречу кто-то едет.

По хорошему бегу коня Алдар узнал, что едет бай². Хитрец сразу же смекнул, что делать. Он распахнул свою дырявую шубенку, выпрямился в седле и запел веселую песенку.

Встретились путники, остановили коней и поздоровались.

Бай в теплой лисьей шубе ежится от холода. Алдар-Косе шапку набок сдвинул, отдувается, точно сидит на солнце в летний жаркий день.

— Неужели ты не замерз? — спросил бай хитреца.

— Это в твоей шубе холодно, а в моей очень жарко, — ответил баю Алдар-Косе.

— Какая такая шуба твоя? — удивляется богач.

— А разве не видишь?

— Вижу, что вороны рвали твою шубенку и в ней дыр больше, чем меха! — насмехается бай.

— Вот и хорошо, что дыр много: в одну дыру ветер входит, в другую выходит. Вот почему мне и тепло.

«Надо у него эту чудесную шубу выманить», думает бай про себя.

«Вот тепло будет, если байскую шубу надеть!» думает хитрец про себя.

— Продай мне твою шубу! — говорит бай Алдар-Косе.

— Не продам: я без своей шубы сразу замерзну.

— Возьми в обмен мою лисью шубу, — предлагает бай.

Алдар делает вид, что и слышать не хочет, а сам одним глазом смотрит на теплую шубу, а другим на байского скакуна.

¹ Камча — плетка.

² Бай — богатый человек.

— Шубу отдам и денег прибавлю, — снова предлагает бай.

— Денег не надо. Вот если коня еще дашь, тогда подумаю.

Обрадовался бай, согласился, снял свою шубу и отдал коня.

Надел Алдар-Косе лисью шубу, пересел на байского скакуна и помчался, обгоняя ветер.

Хорошо было Алдар-Косе ездить от юрты к юрте в теплой шубе на хорошем коне!

В каждой юрте спрашивали у хитреца:

— Откуда у тебя лисья шуба и конь-бегунец?

— У меня была чудесная шуба: семьдесят дыр, девяносто заплат...

Потешая людей, Алдар-Косе рассказывал, как бай накинудся на его дырявую шубу и отдал ему свою лисью.

Смеялись люди, угощая кумысом хитреца.

Когда смех прекращался, Алдар каждый раз повторял:

— Далекий путь или близок, узнает тот, кто поедет. Горькую еду от сладкой отличит тот, кто поест.

ДОБРЫЙ АМУР

(Туркменская сказка)

В давние времена жил молодец со своей слепой матерью. Звали его Умар. Они были очень бедны.

Умар собирал в степи саксаул¹ и продавал его на базаре за два гроша.

На один грош он покупал хлеба, на другой — мяса. Так они и жили.

Однажды, возвращаясь с базара, Умар увидал, как мальчишки мучили котенка.

¹ С а к с а у л — низкорослый кустарник с толстыми корнями. Он может расти в песчаной степи, где не растут другие деревья и кусты. Саксаулом туркмены топят печи.

— Вот вам грош на леденцы, — сказал Умар. — Отдайте котенка мне.

Мальчишки с радостью согласились. Умар сунул котенка за пазуху и подумал:

«Авось проживем один день без мяса».

Дома мать похвалила сына за доброе дело и разделила хлеб на три части: сыну, себе и котенку.

На следующий день Умар снова набрал саксаулу и продал его на базаре за два гроша. На грош он купил хлеба и пошел за мясом. Вдруг ему попались мальчишки, которые тащили на веревке кудлатую собачонку.

Сердце Умара не выдержало, и он отдал оставшийся грош за щенка.

Дома он тихонько опустил собачонку на пол. Она твякнула, а слепая мать услышала и спросила:

— Это ты, сыночек, принес собачонку?

— Я, матушка. Придется нам и сегодня посидеть на одном хлебе.

— Ничего, сынок. У иных и хлеба-то не бывает.

Старушка разделила хлеб на четыре части: себе, сыну, котенку и кудлатому щенку.

Утром Умар снова набрал саксаулу, продал его на базаре за два гроша. На один купил хлеба и пошел покупать мясо. Навстречу ему попала орава мальчишек. Один из них держал палку, в расщепленном конце которой извивалась змея.

— Что вы хотите с ней сделать? — спросил Умар.

— Мы хотим бросить ее в огонь.

Умар пожалел змею и отдал за нее свой последний грош.

В тот вечер старуха разломилла хлеб уже на пять частей, и, поужинав, все улеглись спать.

Рано утром Умар собрался в горы.

За ним выползла змея и стала просить взять ее с собой.

— Возьми меня, Умар, в горы: я тебе пригожусь.

Умар положил змею за пазуху и пошел. У подножья высокой горы змея спросила Умара:

— Знаешь ли ты, что такое страх?

— Нет, он незнаком моему сердцу, — ответил Умар.

— Тогда следуй за мной, — сказала змея, выскользнув из-за пазухи, и поползла по едва заметной тропинке.

Умар с трудом поспевал за нею. Наконец змея остановилась на лужайке и сказала:

— Ты спас меня от верной смерти, и я хочу достойно отблагодарить тебя. Мой отец — повелитель змей. Сейчас сюда соберутся змеи. Ты не бойся, они тебя не тронут. Мой отец будет просить, чтобы ты отпустил меня, но ты не соглашайся. Предложит золото — не бери, проси только камушек, который лежит у него под языком. Этот камушек обладает чудесной силой: если положить его под язык, любое желание мгновенно исполнится.

Змея засвистела. В ответ со всех сторон раздалось шипение, и вскоре вся поляна была усеяна змеями.

Вдруг раздался звон серебряного колокольчика. Змеи расступились, и на середину полянки выполз повелитель змей. Усы его поседелели от старости, а в знак своей власти он носил на шее серебряный колокольчик. Умар поклонился ему до самой земли.

Повелитель змей обратился к Умару:

— О великодушный незнакомец! Ты спас от смерти мою единственную дочь. Чем тебя наградить?

— Дай мне тот камушек, что лежит у тебя под языком.

— На что тебе этот камушек? У меня в подвалах лежат мешки, полные драгоценных камней. Выбирай любой.

— Не нужно мне драгоценных камней, а дай только тот камушек, что у тебя лежит под языком.

— Так и быть, — сказал повелитель змей и вынул из-под языка камушек. — Береги его пуще глаза. Много на него найдется охотников.

И повелитель змей отдал камушек Умару.

Умар простился со змеями, положил камушек под

язык и пошел домой. Шел, шел и устал. Присел на камень и подумал:

«Хорошо бы сейчас лежать дома на мягком сене!»

Не успел он и глазом моргнуть, как очутился дома на мягкой подстилке из сена.

«Вот так камушек!» обрадовался Умар.

Мать, услышав голос сына, спросила:

— Что-то ты нынче долго, сынок? Я уж проголодалась, тебя дожидаячись. Да и звери наши скулят от голода.

— Ну, матушка, — весело сказал Умар, — я нашел счастье. Заживем мы с тобой в свое удовольствие. Скажи мне, матушка, чего тебе хочется больше всего на свете?

— Хотелось бы мне, сынок, один раз поесть досьта.

— А чего хочешь еще?

— Хотелось бы мне, сынок, хоть раз один шелковое платье надеть.

Вышел Умар на улицу, положил чудесный камушек под язык и сказал:

— Хочу, чтобы для меня и для моей матери явились самые вкусные кушанья и богатые наряды.

И тотчас все появилось.

Умар спрятал наряды под халат и вошел с подносом в комнату.

— Ну, матушка, отведай-ка!

Старуха попробовала всего понемногу и, насытившись, накормила котенка и собачонку.

— А теперь, матушка, приоденься.

Старуха нарядилась и, ощупывая себя, с грустью сказала:

— Жалко, что я не могу увидеть себя в таком богатом наряде.

— Хочу, чтобы моя мать прозрела! — вскричал Умар, положив чудесный камушек под язык.

И сейчас же старушка открыла глаза.

— Сынок, милый мой, как хорошо! Я все вижу: и тебя, и себя, и весь белый свет.

— Ну, мать, поди теперь к хану, скажи: пускай отдаст за меня замуж старшую дочь.

— Что ты, сынок! Он меня собаками затравит.

— Не бойся, матушка. Иди во дворец смело.

Хан принял старуху, сидя на золотом троне.

— Зачем ты пришла? — спросил хан.

— Сын мой хочет жениться на вашей дочери.

Заплачу, говорит, за нее любой калым¹.

Желая посмеяться над бедной старухой, хан сказал:

— Если завтра утром я увижу на этой горе дворец в десять раз лучше моего, я выдам свою дочь за твоего сына.

Старуха пошла домой и рассказала сыну все, что сказал ей хан.

— Ну, матушка, ложись спать. Завтра придется тебе встать пораньше: вечером будет моя свадьба.

Старуха легла спать, а Умар дождался темноты, положил камушек под язык и сказал:

— Хочу, чтоб на той горе был дворец в десять раз лучше ханского и чтоб утром нам с матерью проснуться в том дворце.

С первыми лучами солнца проснулась старуха. Оглянулась она по сторонам и руками развела: лежит она на пуховой постели, одеяла шелковые, подушки парчевые, а на полу голубой ковер.

Соскочила старуха с постели, разбудила сына, и пошли они в ханский дворец.

Вечером устроили свадебный пир, и молодые зажили в счастье и довольстве. Умар долго упрашивал мать поселиться с ними в его дворце, но старушка не согласилась и осталась жить в своей старой хижине.

Однажды Умар уехал на охоту, а жена его Зюбейда осталась дома и села у окошка. Скоро ей наскучило сидеть одной, и она позвала свою любимую подругу Гаяне. Приказав подать угощенье, Зюбейда стала рассказывать:

— Мой муж очень любит меня. Он для меня все сделает...

¹ К а л ы м — выкуп за невесту, который жених платит отцу своей невесты.

— Так узнай у него, как он сумел за одну ночь построить такой дворец, — коварно улыбнулась Гаяне. — Только, пожалуй, он тебе не скажет.

— Сегодня же ночью я узнаю эту тайну! — вскричала оскорбленная Зюбейда.

Вечером, когда Умар вернулся с охоты, Зюбейда ласково спросила:

— Скажи мне, дорогой муж мой, как сумел ты за одну ночь построить наш прекрасный дворец?

И Умар рассказал ей про чудесный камушек.

Как только Умар уехал на охоту, Зюбейда послала за Гаяне и передала ей рассказ Умара.

— На твоём месте, — завистливо воскликнула Гаяне, — я бы взяла у мужа волшебный камушек. Вдруг он его потеряет или кто-нибудь украдет его?

— Ты права, — сказала Зюбейда.

Когда Умар вернулся, Зюбейда стала просить чудесный камушек.

— Ты каждый день едешь на охоту и можешь потерять его. Или злые люди проведают твою тайну и отнимут чудесный камушек. Отдай его мне. Я положу его в сундук с семью секретными замками.

Умар поддался уговорам и отдал чудесный камушек жене. Утром он уехал на охоту, а Зюбейда достала камушек и, положив его под язык, сказала:

— Хочу, чтобы сюда пришла Гаяне.

Вмиг дверь отворилась, и в комнату с поклоном вошла Гаяне.

Зюбейда от радости захлопала в ладоши.

— Смотри, вот он, чудесный камушек! С виду он ничем не отличается от кусочка смолы.

Гаяне взяла у Зюбейды из рук камушек и положила его себе под язык.

— Что ты делаешь? — воскликнула Зюбейда.

— Я хочу, чтобы ты стала старой жабой, — прошипела завистливая Гаяне. — А дворец вместе со мной пусть перелетит на другой берег моря.

И вмиг красавица Зюбейда превратилась в старую жабу, а дворец очутился на другом берегу моря.

Вечером вернулся с охоты Умар, а дворца нет.

Вместо него разлилось тонкое болото. Умар, не веря глазам, подошел ближе. Навстречу ему прыгнула огромная серая жаба. Умар отшвырнул ее ногой и грустно побрел к своей старой матери. На пороге его встретила радостным лаем кудлатая собачонка, а котенок прыгнул к нему на плечо.

Заплакал Умар горькими слезами и рассказал матери о своем горе.

— Не печалься, добрый Умар, — сказала котенок, — мы тебе поможем.

Умар лег спать, а кошка с собакой побежали на берег моря.

Кошка вскочила собаке на спину, и та, быстро перебирая лапами, поплыла.

Наконец они добрались до противоположного берега и, отряхнувшись, быстро побежали во дворец.

Но дворец был обнесен кругом высокой каменной стеной, а у каждого входа стояла стража, вооруженная с головы до ног.

Кошка с собакой хотели юркнуть в ворота, но стража заметила их и прогнала.

Опечалились звери и решили подождать, пока стемнеет. Ночью кошка с собакой опять подкрались тайком к воротам. Но ворота были заперты, а по высокой стене взад и вперед ходила зоркая стража.

— Неужели нам придется вернуться к Умару с пустыми руками? — горевала собака.

— Никогда не надо отчаиваться! — успокаивала ее кошка.

Вдруг откуда-то из-под земли выскочила большая серая мышь, а за нею маленький мышонок. Недолго думая, кошка с размаху бросилась и сцапала мышонка. Увидев мышонка у кошки в лапах, старая мышь взмолилась:

— Не троньте моего мышонка, госпожа кошка! Съешьте лучше меня.

— Я не трону твоего мышонка. Только исполни одно мое поручение. Узнай, где хранит злая Гаяне чудесный камушек, и принеси его мне. Но если ты меня обманешь, я съем и тебя и всю твою родню.

— Я исполню ваше поручение, госпожа кошка! Я знаю, где прячет злая Гаяне волшебный камушек, — сказала старая мышь и шмыгнула в нору.

А кошка с собакой сели ее поджидать.

Мышь пробралась в спальню Гаяне, вскочила на подушку и провела хвостиком по носу Гаяне.

Гаяне чихнула, и камушек выпал у нее изо рта. Мышь подхватила чудесный камушек, юркнула в щелку и, выбравшись из дворца, отдала камушек кошке.

Кошка с собакой со всех ног бросились бежать и поплыли обратно. Но злая Гаяне подняла тревогу и послала за ними вдогонку корабль.

Оглянулась кошка, видит — мчится корабль на всех парусах за ними в погоню.

— Что делать? — жалобно протянула собака.

Кошка вместо ответа положила чудесный камушек под язык и сказала:

— Хочу быть на том берегу моря!

И в ту же минуту они очутились возле старой хижины Умара. Сам Умар стоял на пороге, поджидая их.

Кошка, едва переводя дух от волнения, отдала чудесный камушек Умару.

Умар положил его под язык и сказал:

— Вернись, дворец! Вернись, жена!

Вмиг болото исчезло и на его месте появился дворец.

Из дворца вышла заплаканная Зюбейда и рассказала мужу о злодействе своей подруги Гаяне.

— Пусть же она превратится в старую жабу! — воскликнул Умар.

Он обнял жену и повел ее во дворец. А кошка с собакой побежали за ними.

Умар и Зюбейда зажили счастливо, не забывая и своих верных друзей — собаку и кошку.

ЗОЛОТОЙ САЗАН

(Туркменская сказка)

В далекие времена, когда странюю правили жестокие ханы, на берегу моря жил старик со своим единственным сыном. Всю жизнь они занимались рыбной ловлей. Старик сгорбился от тяжелой работы, но богатства не нажил. И было у них всего добра — дырявая лодка да ветхий невод.

Но молодой рыбак, которого звали Таир, не унывал. Он был всегда весел и распевал песни. Слава о его песнях шла по всему свету, и люди приезжали издалека послушать его пение.

Однажды закинул старик невод и стал тащить его на берег. Вдруг он видит — бьется в неводе золотой сазан.

Удивился старик и сказал сыну:

— Покарауль чудесную рыбу, а я побегу и расскажу хану о нашей добыче. Он, наверное, щедро наградит нас.

Старик ушел, а Таир задумчиво смотрел, как бьется золотой сазан, запутавшись в неводе. Пожалел Таир прекрасную рыбу и бросил ее обратно в море. Лишь только золотой сазан всплеснул хвостом, к берегу подъехал хан, окруженный многочисленной свитой.

— А ну, покажи диковинную рыбу!

Таир низко поклонился хану и сказал:

— Мне стало жаль золотого сазана, и я выпустил его в море.

— Ах ты, негодяй! — набросился хан на старика. — Ты вздумал шутить со мной? Да разве бывают на свете золотые сазаны? — обратился он к первому визирю, борода которого касалась земли.

— Я прожил на свете больше ста лет, но не слышал о таком чуде, — ответил седобородый визирь.

Как ни уверял старик, что он действительно поймал золотого сазана, разгневанный хан ему не поверил. В наказание он приказал своим слугам связать молодого рыбака и в дырявой лодке пустить по морю.

Хан уехал к себе во дворец, а осиротевший отец беспомощно бегал по берегу, не в силах помочь своему несчастному сыну.

А лодка не утонула; подгоняемая ветром, она все плыла и плыла.

Наконец вдали показался пустынный остров. Сильным ударом волны лодку вынесло на берег. Вдруг из-за прибрежных кустов вышел юноша, похожий на Таира, как две капли воды. Юноша развязал Таира и накормил его. Так началась их дружба. Они вместе ловили рыбу, вместе охотились и всю добычу делили поровну.

Однажды они встретили старого пастуха, который гнал огромное стадо баранов.

Друзей это удивило. Они были уверены, что, кроме них, на острове нет никого.

— В трех днях пути отсюда лежат владения все-сильного хана, — сказал старик. — Он страшно несчастен: единственная дочь, которая славится красотой на весь мир, со дня своего рождения не сказала ни одного слова. Хан объявил по всей стране, что тому, кто вылечит его дочь, он отдаст свое лучшее сокровище. Если же она останется попрежнему немой, то смельчаку, который взялся ее лечить, отрубят голову. С тех пор много голов слетело с плеч, а ханская дочь попрежнему нема.

Друзья решили попытать счастья.

Дойдя до ханского дворца, юноша сказал Таиру:

— Позволь мне первому попытаться. Если мне удастся исцелить ханскую дочь, мы разделим награду пополам.

Таир согласился, и юноша пошел во дворец.

У порога его встретили две служанки. Одна из них сказала:

— Многие храбрецы, вроде тебя, пытались вылечить нашу госпожу. Их головы красуются теперь на ханском заборе. Тебя ждет такая же участь.

Юноша усмехнулся, бесстрашно вошел в покои и обратился к дочери хана:

— О прекрасная госпожа! Нас в семье было три

брата. Однажды старший брат вырезал из дерева птицу. Она была сделана так искусно, что казалась живой. Средний брат набрал в лесу красивых перьев и украсил ими птицу. Птица стала еще прекраснее. Я же нашел волшебный источник и окунул птицу в прозрачную воду. Она ожила и запела. С тех пор между нами возникла вражда. Каждый из нас считает, что птица принадлежит ему. Нашему спору не видно конца, и я решил обратиться к тебе за советом, о прекрасная госпожа!

Девушка молча показала на рот и покачала головой.

Юноша в гневе вскричал:

— Если мне суждено из-за тебя погибнуть, то вместе со мной погибнешь и ты!

И он взмахнул мечом. Девушка в страхе присела на корточки и закричала. Из ее рта выскользнула змея и злобно зашипела, но юноша прижал ее каблучком и раздавил.

И тут дочь хана заговорила.

— Возьми мое кольцо, — сказала она, — и ступай к отцу. Он щедро наградит тебя.

Юноша взял кольцо и пошел к Таиру. Рыбак, увидев своего друга, с радостью бросился к нему навстречу. Юноша снял с пальца кольцо и сказал:

— Настало время открыть тебе тайну. Я тот самый золотой сазан, которого ты пожалел и выпустил в море! Возьми это кольцо и пойди к хану. Он ждет тебя... Если тебе будет нужна моя помощь, подойди к синему морю и кликни три раза. Я мгновенно приду к тебе на помощь.

С этими словами юноша бросился в воду и скрылся в морской глубине.

Долго смотрел ему вслед молодой рыбак. Потом он направился к хану. Хан поклонился ему до земли и сказал:

— В награду за исцеление я отдаю тебе свое самое лучшее сокровище — возьми мою единственную дочь себе в жены.

Слуги принесли рыбаку расшитые золотом и укра-

ценные драгоценными камнями свадебные одежды. На следующий день сыграли свадьбу, и молодой рыбак поселился во дворце. Вскоре дочь хана заметила, что ее муж часто с тоской смотрит на море. Она стала его расспрашивать.

— Мне душно в раззолоченном ханском дворце, — ответил ей Таир. — Мои руки привыкли к работе. Я разучился петь, и теперь ничто не радует меня. Далеко за морем, на берегу тихой бухты, покрытой белоснежным песком, я провел свое детство. Там живет мой любимый старик-отец. Я тоскую о том, что чужие люди закроют ему глаза. О, если бы ты согласилась поехать вместе со мною, я был бы счастливейшим из людей! Но на моей родине ты не будешь дочерью хана, а будешь женой бедного рыбака. Тебе придется делить со мной нужду, горе и заботы.

— Я готова! — ответила жена. — Но как мы переплывем море? Ведь в нашей стране нет кораблей.

— Об этом ты не беспокойся! Ступай и приготовься к отъезду.

Она ушла. А молодой рыбак подошел к морю, кликнул три раза, и к берегу подплыл золотой сазан.

— Я хочу вернуться на родину. Но у меня нет корабля. А лодка, в которой я приплыл, давно сгнила.

— Твоему горю легко помочь, — ответил сазан. — Когда стемнеет, я пришлю тебе самую большую в мире рыбу. Прикажи ей открыть пасть и смело входи в нее. Наутро ты будешь дома.

— А эта рыба не проглотит нас?

— Не бойся: сквозь ее горло не пройти и детскому кулаку. Желаю тебе счастья!

Молодой рыбак не успел поблагодарить своего друга, как золотой сазан исчез в морской глубине.

Лишь только стемнело, море с шумом расплеснулось, и к берегу подплыла огромная рыба. Из ноздрей ее струился фонтан, и она нетерпеливо била хвостом.

Дочь хана испугалась. Но муж успокоил ее, взял на руки и внес в огромную рыбью пасть.

Лишь только они вошли, рыба, быстро перебирая плавниками, помчалась по морю. А молодой рыбак и

его жена уснули, убаюканные плеском волн. Наутро чудесная рыба приплыла в тихую бухту. Молодой рыбак проснулся и увидел свой родной берег и полуразрушенную хижину, на пороге которой сидел его старый отец.

Таир бросился ему на шею. Старик, считавший его мертвым, заплакал от радости.

— Не плачь, отец! — утешал Таир старика. — Мы с женой молоды и здоровы. До конца своих дней мы будем заботиться о тебе. Ты уже стар, тебе пора на покой.

Старик вытер глаза и расцеловал сына.

И зажили они втроем в старой рыбацкой хижине. Молодой рыбак сложил о своих необычайных приключениях песню, которую и до сих пор еще поют в Туркмении.

СКАЗКА О ТРЕХ ТАЛИСМАНАХ

(Татарская сказка)

Давным-давно, так что нельзя сказать, было ли это в самом деле или не было, жил в одной деревне бедный крестьянин. Было у него три сына и убогая сакля. Бедность его была так велика, что часто нечем было ему накормить своих сыновей.

Однажды, когда нужда стала совсем невыносима, решил он хоть охотой достать себе пропитание. Выпросил он у соседа ружье и пошел в лес.

Долго ли, коротко ходил он так, только подошел он в лесной чаще к дереву со странными, невиданными листьями. На ветке дерева сидела птица, тоже небывалой породы. Недолго думая, прицелился крестьянин, выстрелил и ранил птицу.

Но не успел он взять ее в руки, как птица заговорила:

— Не убивай меня, добрый охотник, я помогу тебе в твоей нужде!

С этими словами она достала из-под крыла тон-

кий свернутый платочек, подала его охотнику и сказала:

— Если ты проголодаешься и тебе нечем будет утолить свой голод, то взмахни этим платочком — и в один миг стол твой покроется всякими богатыми и вкусными яствами.

Обрадовался бедный крестьянин волшебному платку и отпустил птицу на свободу.

Вернувшись домой, показал он платочек своим сыновьям и испытал его волшебную силу. Взмахнул он платочком, и вмиг украсился стол вкусными блюдами. И зажил он с тех пор со своей семьей сытой и спокойной жизнью.

Много ли прошло с того времени, только попал в эту деревню сам хан со своей свитой. Возвращался хан с охоты в горах. Сильно он проголодался и послал своих охотников найти в деревне дом, в котором можно было бы покушать. Стали расспрашивать ханские охотники по деревне, кто из крестьян лучше всего может угостить хана, и все указали на бедного крестьянина. Явился хан со свитой в гости к обладателю талисмана.

Не успел хан усесться на подушке в почетном углу комнаты, как уже внесли сыновья хозяина стол, уставленный всевозможными кушаньями. Даже сам хан редко едал такие вкусные блюда. Заподозрил хан, что неспроста у бедного крестьянина вмиг появляются такие богатые яства, и решил раскрыть эту тайну.

Через некоторое время получил как-то хан известие, что приближается к его столице великое посольство из Стамбула, от самого падишаха правозерных. Послал хан гонцов в деревню за бедным крестьянином, приказал ему явиться во дворец, чтобы достойно угостить султанских послов.

С шумом и угрозами ворвались ханские гонцы в бедную саклю крестьянина и стали тащить его к хану.

Испугался крестьянин, видит, что хочешь не хочешь, а придется ему угощать ханских гостей. Позвал

он своего старшего сына Османа, вручил ему чудесный платок, наказал крепко беречь его и велел ехать к ханскому дворцу.

Предстал Осман перед ханом и объявил, что готов он исполнить его волю. Но просил он, чтобы дали ему во дворце отдельное помещение, где никто не увидит, как он будет готовить угощение. Хан согласился и приказал отвести Османа в большую комнату.

Когда осталось до прихода посольства всего полчаса, пошел хан посмотреть, готов ли обед. Каково же было его удивление, когда увидел он пустые столы и Османа, спокойно возлежащего на подушках!

— Где же твои приготовления, безумец? — воскликнул хан, пораженный его беспечностью. — Да за такую дерзость я прикажу немедленно сбросить тебя с башни, чтобы неповадно было другим обманывать повелителя!

— Пусть не беспокоится доброе сердце хана, все будет готово к приходу достойных гостей, — отвечал спокойно повар. — Введите меня в зал, где будет происходить пиршество, и оставьте одного.

И, войдя в пустой зал, Осман помахал платочком над каждым из расставленных здесь столов. В ту же минуту все они покрылись разнообразными вкусными яствами.

Догадался хан, что владеет Осман каким-то чудодейственным талисманом, и решил во что бы то ни стало завладеть этим талисманом.

Он осыпал Османа милостями и объявил ему:

— Такой великий чародей и витязь достоин быть супругом моей единственной дочери!

На другой день была отпразднована свадьба, и дочь падишаха стала женой Османа, сына бедняка. А вероломный властитель научил свою дочь, как проведать о чудесном талисмане и выманить его из рук искусного повара.

Вечером дочь хана, как будто ничего не зная, обратилась к Осману с ласковым вопросом:

— Скажи мне, о муж, ниспосланный мне небом,

какими чарами достиг ты такой силы и власти при дворе?

— Вот этим платочком, — ответил, ничего не подозревая, Осман.

С этими словами он вынул из-за пазухи свой талисман и показал его. Как только ханская дочь увидела платочек, она выхватила его из рук простака и ударила в ладоши.

— Бросьте его в темницу, — приказала она вбежавшим слугам.

Те схватили бедного Османа и бросили его в темницу.

И остался бедный крестьянин и без платочка и без старшего сына.

Скоро пришла к нему такая нужда, что нечем было ему кормить своих двух сыновей. Выпросил он опять у соседа ружье и пошел в лес на охоту. И на том же самом дереве увидел он опять чудесную птицу. Выстрелил в эту птицу бедный крестьянин и ранил ее. Упала птица к ногам бедняка и заговорила:

— Не добивай меня, добрый человек, я помогу тебе в твоей нужде. Возьми этот кисет, встряхни им, когда тебе понадобятся деньги, и посыплется из него столько червонцев, сколько ты пожелаешь.

Обрадовался бедняк этому подарку, взял кисет и понес его домой. Показал он его своим сыновьям, и испытали они вместе чудесное его свойство. Взмахнул кисетом отец — и посыпались из него на стол золотые монеты.

Вскоре построил себе старик новую саклю — такую саклю, какой не было у самых богатых ни в этой деревне, ни во всех окрестных деревнях, ни даже в самом Бахчисарае, — и стал жить припеваючи.

Много ли прошло с того времени, только проезжал однажды хан, возвращаясь с охоты, снова через эту деревню. Очень ему понравилась новая сакля старика, и снова заподозрил он здесь чародейство.

И задумал хан строить себе новый роскошный

дворец. Послал он в деревню своих гонцов за стариком, чтобы явился тот к нему строить новый дворец.

С шумом и угрозами ворвались ханские гонцы в новую саклю крестьянина и стали тащить его к хану. Испугался старик, но видит, что хочешь не хочешь, а придется ему строить ханский дворец. Не смог по старости поехать сам, послал своего второго сына Мустафу. Вручил он ему чудодейственный кисет и наказал беречь его крепко-накрепко.

Привезли Мустафу к хану, и потребовал повелитель, чтобы он построил ему роскошный дворец. Когда Мустафа спросил о деньгах на постройку, хан сердито ответил:

— Твой отец бедняк, а построил себе саклю без денег. Построй и мне дворец без денег. А не построишь, сброшу я тебя с высокой башни в пропасть.

Пришлось Мустафе согласиться строить ханский дворец на деньги из своего кисета. Потребовал он себе отдельную комнату.

На следующий день пришел к нему хан и увидел на столе тысячу золотых червонцев. С жадностью любовался хан блеском денег, понял, что есть у Мустафы какой-то таинственный талисман, и решил им завладеть во что бы то ни стало.

Начал Мустафа строить дворец для хана и за все немедленно расплачивался звонким золотом.

Когда новый дворец был готов, хан объявил Мустафе:

— Такой великий чародей и витязь достоин стать супругом моей единственной дочери. Я дарю тебе новый дворец и делаю тебя своим наследником.

В тот же день была отпразднована свадьба ханской дочери с крестьянским сыном Мустафой.

Вечером дочь хана, уже наученная своим отцом, обратилась к Осману с ласковым хитрым вопросом:

— О посланник неба, возлюбленный муж мой! Какие неведомые чары сделали тебя столь богатым и знатным? Ты, вероятно, владеешь каким-нибудь счастливым талисманом, о господин моей жизни! Открой причину счастья нашего мне, твоей рабыне!

— Вот этот талисман, — ответил ничего не подозревавший Мустафа и вынул из-за пазухи свой кисет.

Как только хитрая царевна увидела кисет, онахватила его из рук простака и ударила в ладоши.

— Бросьте его в темницу! — приказала она вбежавшим телохранителям.

И попал Мустафа в темницу под семью замками, где сидел уже его брат Осман.

А бедный старик-крестьянин остался и без платочка, и без кисета, и без двух сыновей. И снова вернулись к нему и к его последнему сыну, Таз-Оглану, бедность и нищета. И снова нечем было им прокормиться. Так велика была нужда, что пришлось старику снова итти на охоту. Выпросил он опять у соседа ружье и пошел вместе с сыном Таз-Огланом в лес в надежде подстрелить какую-нибудь дичь.

Долго ходили бедняки по темному лесу, спускались в пропасти, подымались на горы, но все не посылала им судьба никакой дичи. Решили уже они вернуться домой ни с чем, как вдруг попали к тому самому дереву, на котором старик дважды находил свое счастье. Велики были их удивление и радость, когда увидели они на дереве птицу.

Недолго думая, выстрелил в нее старик, упала она раненная к его ногам и стала просить:

— Не убивай меня, добрый охотник, я тебе помогу выйти из нужды!

Отпустил ее старик, и дала она ему позолоченный лук.

— Стоит тебе только выстрелить из этого лука, — сказала птица, — и попадет твоя смертельная стрела в того, кого ты задумал, где бы он ни был.

Не очень обрадовался старик такому подарку, но взял лук и пошел с сыном домой. По дороге много попадалось им всякой дичи, и настреляли они столько, что еле могли донести. Хорошо наелись дома и стали после этого часто ходить на охоту.

Однажды приехал опять хан в эту местность на охоту. Велел он согнать всех крестьян этой деревни на облаву. Пришлось и старику итти со своим луком.

Заметил хан на охоте, что старик из своего лука попадает во всякую дичь, какую наметит и где бы она ни была. Заподозрил он и здесь какое-то чародейство.

Через некоторое время нужно было хану итти войной на своих врагов, неверных. Собрал он большое войско и вспомнил о старике-крестьянине. Послал за ним гонцов в его деревню.

С шумом и угрозами ворвались ханские гонцы в саклю крестьянина и стали тащить его к хану, чтобы итти на войну.

— Где же мне, старику, на войну итти! — взмолился крестьянин. — Лучше уж пусть повелитель возьмет моего сына Таз-Оглана.

И пришлось Таз-Оглану волей-неволей итти на войну. Принял его хан в свое войско, и пошли все вместе в поход.

Перед первой же битвой, чтобы лучше наблюдать за Таз-Огланом и его золоченым луком, поставил его хан позади всех, поблизости от себя. Таз-Оглан обиделся и с укором сказал хану:

— О славный из славных царей! О всемогущий падишах! Я пришел помочь тебе осилить твоих недругов, а ты ставишь меня позади всех, где я и врага не могу увидеть.

Пришлось согласиться хану, и поставил он Таз-Оглана в первых рядах. Началась битва. Стрелы Таз-Оглана без промаха поражали врагов, и ханское войско одержало полную победу.

Перед следующей битвой Таз-Оглан стал просить предводителя войска:

— Разреши сразиться с вражеским войском мне одному!

Предводитель принял его за безумца, но доложил о просьбе хану. И хан повелел Таз-Оглану выступить одному на поединок с огромным неприятельским войском.

Вышел Таз-Оглан впереди своих воинов и стал вызывать врагов на бой. Смеялись над ним и с той и с этой стороны. Рассердился Таз-Оглан и стал пускать в врагов свои стрелы. От каждой стрелы падала тыся-

ча человек, и скоро бóльшая часть вражеского войска полегла на поле битвы, а остальная в страхе разбежалась и была взята в плен воинами хана.

После битвы рассказал предводитель хану, как один Таз-Оглан разбил целую рать.

— Он волшебник и чародей! — воскликнул падишах. — Ведите его ко мне.

Решил про себя хан, что нужно каким бы то ни было способом завладеть чудодейственным луком Таз-Оглана.

— Ты великий богатырь и волшебник, ты достоин быть моим счастливым зятем, мужем моей любимой дочери, — так объявил хан, когда ввели к нему Таз-Оглана.

С великой победой возвратился хан со своим войском и с Таз-Огланом в свою столицу. Вместе с празднованием победы праздновалась и свадьба Таз-Оглана с ханской дочерью. Но ни на минуту не расставался Таз-Оглан со своим луком. Вечером обратилась дочь хана, наученная отцом, с ласковыми словами к Таз-Оглану:

— Скажи, храбрый воин, каким волшебством ты уничтожил вражескую рать, какой талисман направляет твой лук, о мой повелитель?

— Никакого талисмана у меня нет, — ответил сын бедняка, — просто стреляю из лука.

— О посланный мне небом муж-властитель, разреши своей рабыне осмотреть твой победоносный лук, — настаивала царевна.

— Это не женское дело, — отвечал Таз-Оглан и лег в постель, засунув лук под подушку.

Но дала ханская дочь ему питья, в которое коварно подмешала сонного зелья, и поднесла понюхать платочек с одуряющим запахом. Таз-Оглан тотчас же заснул. Тогда царевна быстро вытащила из-под подушки волшебный золоченый лук и понесла его к отцу-хану.

Проснулся Таз-Оглан и заметил, что нет ни жены, ни лука. Понял он тогда, что попал в ловушку и грозит ему смерть.

Встал он с постели, проскользнул мимо дворцовой охраны и бежал в дикие горы и дремучие леса. Даже к себе в деревню не решался он показаться.

Бедный старик-отец, лишившийся и волшебного платка, и кисета, и лука, и всех трех своих сыновей, не перенес постигших его несчастий и умер в бедности и горе.

Много лишений и невзгод перенес Таз-Оглан в горах и лесах зимою. Наконец решил он испытать свое счастье там, где оно доставалось отцу. Разыскал он в лесу то самое место, где отец трижды находил на дереве птицу. Нашел и увидел, что дерево стоит, несмотря на зимнее время, все зеленое, и листья на нем какие-то странные, и висят на ветках какие-то плоды, похожие на сладкий инжир, и все спелые. Влез Таз-Оглан на дерево, сорвал один плод, другой плод и съел их. Вдруг — о, ужас! — почувствовал он, что у него на голове вырастают рога, два больших рога, как у козла.

Очень испугался Таз-Оглан, стал мотать головой, чтобы стряхнуть рога. Но крепко держались рога на голове. Тогда, в горе и отчаянии, стал Таз-Оглан бить рогами по стволам деревьев, надеясь хоть обломать их. При этом коснулся он одним рогом листьев невиданного им раньше высокого куста, и рог этот вдруг отвалился. Изумился и обрадовался Таз-Оглан, сорвал несколько листьев и потерял ими второй рог, и рог тотчас же отвалился.

Догадался тут Таз-Оглан, какое волшебство досталось ему в руки. Собрал он этого чудесного инжира целую большую корзину, нарвал также листьев с волшебного куста и решил воспользоваться этими подарками.

Достал себе Таз-Оглан нищенскую стариковскую одежду, прилепил усы и бороду, надвинул на глаза косматую меховую шапку, взял корзину с инжиром и пошел в город, к воротам дворца. Там он стал кричать:

— Продаю свежий инжир, продаю свежий инжир!
Услышала дочь хана, что продают свежий инжир,

и стала просить отца своего, чтобы купил он ей вкусных ягод.

— Разве может быть, чтобы в зимнее время был свежий инжир? — удивился хан.

Но взглянул в окно и увидел, что это правда.

И купил хан всю корзину. А Таз-Оглан немедленно скрылся.

Царевна угостила хана, всех придворных и сама съела четыре ягоды. Все съели по четыре инжира, и вдруг выросли у всех на головах по четыре рога.

Поднялся великий плач и стон при дворе хана. Все ходили с рогами. Призывал многих лекарей хан, но не нашлось никого, кто бы избавил от ужасных рогов. Объявил хан по всей стране, что тот, кто исцелит его, царевну и придворных от их недуга, получит в жены царевну и будет его наследником.

Услышал этот зов Таз-Оглан и явился ко двору.

Потер он листком один из рогов хана, и рог этот тотчас же отвалился. Изумился и обрадовался хан, а Таз-Оглан сказал:

— Царь царей, я могу вас всех исцелить от этих рогов. Но не желаю я твоего трона. Выполни одно мое единственное желание.

— Каковы бы ни были твои желания, пусть все они будут исполнены, — обещал хан.

— Отдай мне мой золоченый лук, — потребовал Таз-Оглан. Сорвал он при этом усы и бороду и сбросил меховую шапку.

Узнал тут хан, кто стоит перед ним, и хоть пришел в ярость, но пришлось ему повиноваться. Принесли лук и вручили его Таз-Оглану.

— А теперь, — сказал Таз-Оглан, — немедленно давайте мне кисет и платок моих братьев. Да поторпливайтесь, ибо не миновать вам иначе послушных стрел моего верного лука.

И направил Таз-Оглан свое смертоносное оружие в хана и его царедворцев. В ужасе пали все к ногам витязя, а ханская дочь принесла талисманы.

Взял талисманы Таз-Оглан и направился к темнице, где сидели его братья. Натянул он тетиву, спустил

стрелу, и упали с двери все семь замков, как спелые яблоки под ударом ветра. Распахнул витязь двери темницы и вывел из нее всех, кто томился там по воле хана. Потом взял за руки братьев своих и вывел их на свет солнечный.

— Вот вам, братья, талисманы ваши, — сказал он. — Войдите во дворец и будьте первыми моими визириями.

А сам взошел на трон и стал править делами государства. А хан, его дочь и все приближенные остались бегать при дворе, помахивая рогами и бляя по-бараньи.

ТРИ ДОЧЕРИ

(Татарская сказка)

Жила-была женщина. День и ночь она работала, чтоб накормить и одеть трех своих дочерей.

И выросли три дочери быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну.

Одна за одной вышли они замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжко заболела старуха-мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку.

— Скажи им, дружок, чтоб ко мне поспешили.

— Ой, — вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть, — ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

— Почистить два таза?! — рассердилась белочка. — Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дома большой черепахой.

Постучалась белочка ко второй дочери.

— Ой, — отвечала та, — я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста наткать.

— Ну и тки теперь всю жизнь, никогда не останавливаясь, — сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паучиху.

А младшая месила тесто, когда белочка постучалась к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтерла рук, побежала к своей матери.

— Приноси же ты всегда людям сладость и радость, мое дорогое дитя, — сказала ей белочка, — и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все ее любили. А когда пришла ей пора умереть, она превратилась в золотую пчелку.

Все лето день-деньской собирает пчелка мед людям, и ее передние лапки всегда в сладком тесте. Зато зимою, когда все вокруг гибнет от холода, пчелка спит в теплом улье, а проснется — ест только мед и сахар.

— Днем недоволен, — отвечает купец. — Даже летом он короче заячьего хвоста. Не успеют работнички за топоры взяться, а уж курицы на насесты садятся. Научи меня, мудрец, удлинить ясный день лета.

Посмотрел Лопшо Педунь на купца хитрыми глазами и сказал:

— Оденься в семьдесят семь теплых одежд, сверху тулуп и шапку надень, а на ноги обуь валенки с теплыми онучами. На плечи взвали большой кузов со

всякой едой для себя. Потом возьми деревянные вилы и полезай на самую верхушку высокой березы, поддень вилами солнце и держи его на одном месте, как золотой блин. Тогда солнцу не сесть, дню не кончиться.

Отблагодарил купец мудреца ста рублями и пошел домой летний день удлинять. Надел на себя семьдесят семь теплых одежд, как сказал мудрец, сверху тулуп, шапку, обул валенки с онучами, на плечи взвалил кузов с едой, взял вилы и полез на березу. Поддел вилами солнце и сидит.

— Эй, работнички, — кричит, — без моего прика-зу не бросать работу!

Сидит купец час — жарко, сидит другой — душно, сидит третий — пот бежит по телу ливнем. Устал купец, истомился, еле вилы держит.

— Ну, — кричит с березы, — работнички, вы сегодня здорово долго поработали. Идите спать!

Руки у купца онемели, ноги затекли — двинуться с места не может. Вилы выпустил из рук — застряли они в ветвях; хотел он слезать, да бух на землю! Хорошо, что на кузов, хорошо, что семьдесят семь мягких одежд и тулуп овчинный! Ушибся малость, но зато научился день удлинять. И ему хорошо, и работникам неплохо, а Лопшо Педуню и подавно.

СТО УМОВ

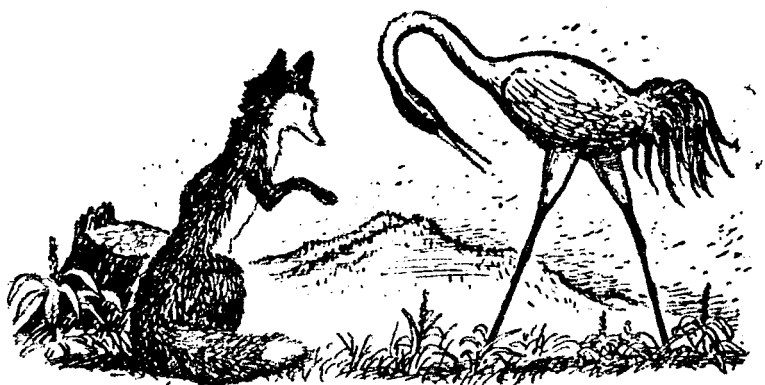
(Алтайская сказка)

Встретились журавль с лисой. Опустила лиса голову:

— Бедный журавль, у тебя, оказывается, всего две ноги!

Глянул журавль вниз, а у лисы-то — раз, два, три, четыре лапы! От удивления журавль широко разинул свой клюв.

— Ой! — крикнула лиса. — Ой, бедняга-журавль,

у тебя ни одного-то зуба нет! А у меня тридцать шесть зубов, сто умов, четыре ноги, два уха и замечательный хвост!

Совсем обиделся журавль. С горя еще длиннее вытянул свою длинную шею и увидел вдали человека.

— Ай, почтенная лиса, охотник идет!

Лиса поджала хвост — и юрк в барсучью нору. Журавль — за ней.

Охотник это заметил, подошел к норе и стал подкапываться.

— Ох, лиса, великая лиса, — заплакал журавль, — охотник сюда лезет! У вас четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов — придумайте, как нам спастись!

— Сам догадайся. У меня только пятьдесят умов осталось.

Охотник все ближе, ближе...

— О-о-о, лиса, верная моя лиса, у вас четыре ноги, пятьдесят умов, — как нам спастись?

— Сам придумай. Мои умы во все стороны бегут. Охотник прорыл ход, ухватил журавля за длинную ногу и вытянул его из норы.

Крылья у журавля распустились, повисли, глаза — как стеклянные, даже сердце не бьется.

«Задохся, верно, в норе», подумал охотник и бросил журавля в сторону.

Еще немного покопал и видит: пушистый хвост торчком стоит, пушистый хвост дрожмя дрожит.

Ухватился охотник за этот хвост, вытащил лису, убил ее, снял шкуру и сунул в свой кожаный ярчемак.

«Домой приеду — из лапок сошью шапку. Хвост привяжу на черенок плети, а из спинки выйдет знатный воротник. Пожалуй, и журавля тоже возьму. Будет собакам чем полакомиться».

Обернулся охотник, а журавля-то и нет. Высоко в небе летит он, даже стрелой не достанешь.

Так погибла лиса, у которой было два уха, четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов.

А журавль одним умишком пораскинул, да и то смекнул, как спастись.

СКУПАЯ ЛЯГУШКА

(Ойротская сказка)

Жила-была лягушка. Вот раз она вышла из своего дома — из круглого озера — и прыг-прыг... пошла гулять. Прыг-прыг — и дорогу домой потеряла.

А тут еще на беду попала она на муравьиную тропу. Муравьи десятками взбежали ей на спину, сотнями вцепились ей в живот.

— Ой! — заплакала лягушка. — Ай! Как вам не стыдно заблудившегося кусать, у голодного кровь сосать!

Муравьям стало очень стыдно. Низко поклонились они ей и говорят:

— Уважаемая лягушка! Пожалуйте к нам в гости: пищу нашу кушать, мед пить.

Лягушка согласилась. Что ела — не помнит. Какую беседу за столом вела — сама не поняла. На чем спала — и то не знает. Так много она меду выпила! Совсем пьяная была.

Утром проснулась и просит одного муравья:

— Пожалуйста, влезь на лиственницу — посмотри, в какой стороне мой дом.

Муравей влез на дерево и говорит:

— Вон там, на западе, блестит озеро. Хотите, покажу вам короткую дорогу?

— Ах, какой же ты добрый! — обрадовалась лягушка. — Пойдем, пойдем! Я тебя за это хорошо угощу.

— Нет, — отвечает муравей, — я один угощаться не согласен. Мы все вас вчера поили, кормили. Сегодня, если хотите, то нас всех позовите. Мы народ дружный: ни работать, ни отдыхать врозь не умеем.

И лягушка позвала всех муравьев к себе в гости. Вот она прыг-прыг, а муравьи за ней ручьем текут.

Все, все, сколько их было в этом муравейнике, и в том, и в третьем, и в десятом, и в тысячном, — все муравьи из лесу к лягушке в гости идут.

Пришли к озеру. А лягушка и говорит:

— Вы, муравьи, здесь постоитте, я сейчас пойду распоряжусь насчет угощенья, — и бултых в воду...

Муравьи день стоят, два дня стоят, однако лягушки все нет.

На седьмой день рассердилась муравьиная матка.

— Ну, — говорит, — лягушиного угощения ждать — с голоду умрешь!

Подтянула она потуже свой пояс и пошла домой. И все муравьи затянули свои пояса и отправились во-свосяси.

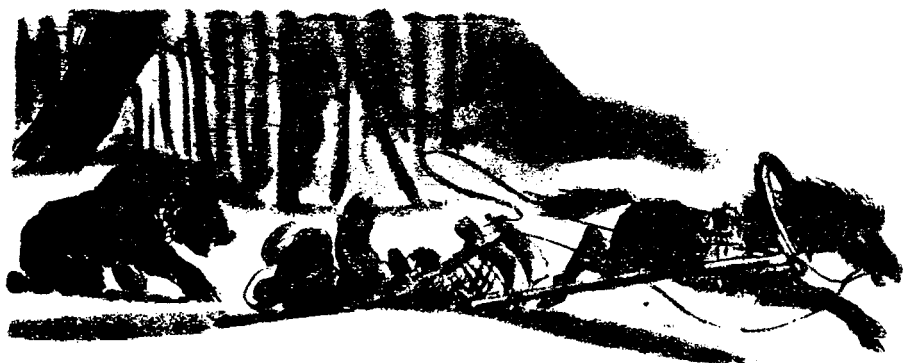
Так с тех пор и ходят муравьи с брюшком, перетянутым туго-натуго.

Это они с того случая все еще не отъелись.

МЕДВЕДЬ-МУЗЫКАНТ

(Карельская сказка)

Жили старик со старухой. Было у них два сына. Старшего звали Тойво-Неулыба. Хороший он был, работающий, только уж очень хмурый. Никогда не засмеется, никогда не запоет, одно знает — трубку ку-

рит, пыхтит. Рыбу на озере ловит — молчит, сосну в лесу рубит — молчит, лыжи мастерит — молчит. Вот он какой был, Тойво-Неулыба...

А младшего звали Матти-Весельчак. Хороший он был парень. Работает — песни поет, разговаривает — весело смеется. Умел он и на гусельках-кантеле играть. Как начнет струны пощипывать, как заиграет плясовую — никто на месте не устоит, сами собой ноги в пляс идут. Вот он какой был, Матти-Весельчак...

Поехал раз Тойво-Неулыба в лес по дрова. Отвел сани в сторонку, выбрал сосну хорошую и давай рубить. Пошел по лесу стук да треск.

А возле той сосны медвежья берлога была.
Проснулся хозяин-медведь.

— Это кто стучит, мне спать не дает?

Вылез из берлоги, глядит: парень сосну рубит. Топором ух как чешет — щепки во все стороны летят! Шапка-ушанка до бровей, брови бугром, сам молчит да трубкой пыхтит.

Ух, рассердился медведь!

— Ты зачем в моем лесу стучишь, спать не даешь? Тьфу, тьфу, табаком лесной воздух портишь! Вон!

Да как хватит парня лапой — только куртка за-трещала.

Выронил Тойво топор, покатился по снегу, перекувыркнулся да прямо в сани и свалился. Дернула лошадь, понесли сани по сугробам, по пням, по полянам да и вывезли Тойво из лесу. Вот оно как было!

Приехал Тойво-Неулыба домой — ни дров, ни топора, куртка разорвана и сам еле жив. Ну, да что поделаешь! А дрова-то нужны, печку топить нечем. Вот поехал в лес Матти-Весельчак. Взял в руки кантеле, сел в сани и поехал. Едет, играет и песню поет.

Приезжает Матти-Весельчак в лес и видит: стоит сосна, с одного боку надрублена, а рядом на снегу топор лежит.

— Эге, да это здесь Тойво рубил.

Отвел сани в сторонку, поднял топор, нацелился сосну рубить, да раздумал.

— Дай-ка сначала на кантеле поиграю — веселей работа пойдет.

Вот он какой был, Матти-Весельчак!

Сел на пенек да и заиграл. Пошел по лесу звон. Проснулся хозяин-медведь.

— Кто это звенит, мне уши щекочет?

Вылез из берлоги, видит: парень на кантеле играет, шапка на затылке, брови круглые, глаза веселые, сам песню поет.

Запросились у медведя ноги в пляс.

Заплясал медведь, затопал, заревел:

— Ух, ух, ух, ух!

Перестал Матти играть на кантеле. Перевел медведь дух и говорит:

— Эй, парень, научи меня на кантеле играть. Вот бы у меня медвежата мои заплясали!

— Можно, — говорит Матти-Весельчак. — Отчего не научить.

Сунул медведю кантеле в лапы. А у медведя лапы толстые, бьет он по струнам, ох, как худо играет!

— Нет, — говорит Матти, — плохо ты играешь! Надо тебе лапы тоньше сделать.

Повел он медведя к толстой ели, расщепил ее топором и в щель клин вставил.

— Ну-ка, хозяин, сунь лапы в щель да держи, пока я не скажу.

Сунул медведь лапы в щель, а Матти топором по клину как стукнет! Вылетел клин — медведю лапы-то прищемило. Заревел медведь от боли, а Матти-Весельчак смеется:

— Терпи, терпи, пока лапы тоньше станут. Без муки нету науки.

— Не хочу играть! — ревет медведь. — Ну тебя с кантеле твоими, отпусти ты меня домой.

— А будешь людей пугать? Будешь из лесу гнать?

— Не буду, — ревет медведь. — Отпусти!

Загнал Матти клин в щель, вытащил медведь лапы и скорей в берлогу свою забрался.

А Матти-Весельчак нарубил полные сани сосновых дров, взял в руки кантеле и поехал из лесу. Едет и песню поет. Вот он какой, Матти-Весельчак!

Стали с тех пор люди без опаски в лес за дровами ездить.

СТАРОСТА И ЧОРТ

(Латышская сказка)

Шел староста из дома на барский двор и по дороге повстречал чорта. Идут вместе, разговаривают и видят — парнишка возле дороги свиней пасет. Большой боров забрался в картофельное поле, а как увидал парнишка старосту, кинулся за боровом и кричит:

— Чтоб тебя чорт побрал, такого паскудного борова!

Староста, услышав это, толкнул чорта:

— Слышь, тебе борова сулят, а ты не берешь! Я бы сразу взял.

Чорт отвечает:

— Пусть остается боров! Пастушок — сиротка: если возьму я борова, станет хозяин бить да колотить парнишку, а у него нет никого, кто бы за него заступился. Да ведь и сказал-то это парнишка не от души.

Староста смолчал. Пошли дальше, слышат — ребенок жалобно плачет. Мать жнет рожь — успокаивать некогда. Вот всердцах и вырвалось словечко:

— Чтоб тебя чорт побрал! Рожь осыпается, отец на барском поле работает, мне одной приходится свою рожь жать, а ты еще мешаешь мне.

Староста, услышавши это, толкнул чорта:

— Слышь, тебе ребенка сулят, а ты не берешь! Я бы его сразу взял.

Чорт отвечает:

— Только и есть у матери, что единственная дочь, а я еще и ее возьму! Да ведь и сказала-то она эти слова не от души.

Староста смолчал. Пошли дальше. На барских полях работали крестьяне и, как только завидели старосту, стали плевать и проклинать:

— Опять староста приплелся, чтоб его чорт побрал, этого негодника-палача! Того и гляди, опять когонибудь палкой по спине съездит!

Чорт, услышавши это, спрашивает старосту:

— Слышишь? Вот они говорят от всего сердца! Слышал ли?

— Да что они! — со злостью отвечает староста. — Это же собачий народ: не слушаются, не работают!

— Пусть они такой-сякой народ, а говорят они правду, от всей души говорят, а потому ты уж теперь мой!

Сказавши это, чорт схватил старосту, свернул ему шею набок, скрутил в бараний рог, сунул в свою кожаную торбу и, закрутивши большущий вихрь, побежал со старостой прямо в ад.

ВОЛК

(Литовская сказка)

Утомился косарь и сел отдохнуть у дороги. Вышел из лесу волк, подошел к косарю и спрашивает:

— Ты что ешь, человек?

— Хлеб.

— Дай мне попробовать.

Косарь отломил кусок и дал волку. Понравился хлеб волку, он и говорит:

— Хочу я, чтобы и у меня всегда такой хлеб был, да не знаю, как это сделать.

Стал косарь учить волка:

— Сперва надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, погоди. Нужно землю заборонить...

— И можно хлеб есть?

— Что ты, погоди! Если поле обработаешь, нужно зерна посеять...

— Тогда будет хлеб?

— Нет еще. Дождись, когда семена взойдут, холодную зиму в земле переждут; весной всходы зазеленеют, взойдут, а к середине лета вырастут...

— Тогда и хлеб есть можно?

— Где там! Рожь нужно скосить, в снопы связать, снопы в копны сложить. Ветер их хорошенько проветрит, солнышко просушит, тогда свезешь хлеб на ток.

— Ну, уж тогда наемся хлеба вволю!

— Нет, потерпи. Когда хлеб свезут на ток, нужно его обмолотить, собрать зерно, свезти на мельницу да в муку смолоть.

— Вот когда я наемся!

— Еще нет, погоди. Из муки надо тесто замесить, а как тесто подойдет, тогда его и печь...

— И будет хлеб?

— Да, будет хлеб. И можешь его тогда есть, — ответил косарь.

Задумался волк и говорит:

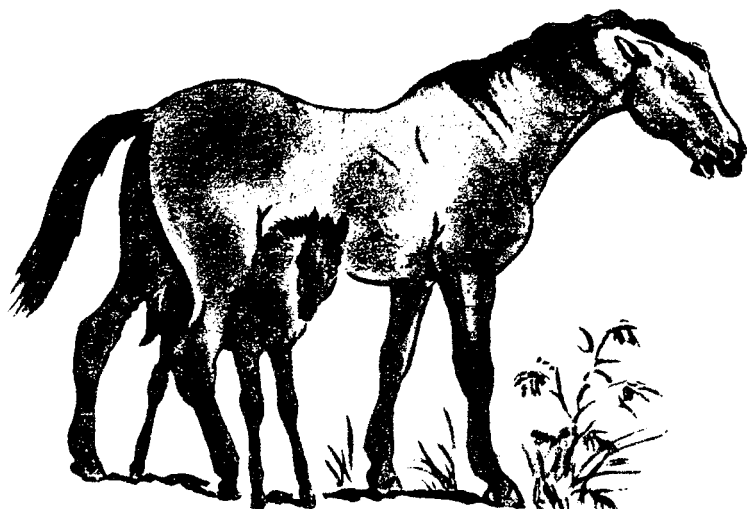
— Да, эта работа долгая и трудная. Лучше посоветуй мне, человек, как легче еду раздобыть.

— Коли не хочешь хлеб есть, — говорит косарь, — иди на пастбище, увидишь там лошадь с жеребенком — вот жеребенка и можешь съесть.

Пошел волк на пастбище, где паслась лошадь. Испугался волка жеребенок, залез под лошадь. И только волк кинулся за жеребенком, лошадь как брыкнет волка — тот так и покатился. Подбежал волк снова к лошади, а лошадь снова его копытами по зубам!

Вернулся волк к косарю, жалуется: не может лошадь одолеть.

— Раз ничего не можешь с лошадью сделать, —

говорит косарь, — ступай на луг, там овцы пасутся. Выбери себе барана побольше да пожирнее и съешь его.

Побежал волк на луг, выбрал жирного барана и говорит ему:

— Ну, баран, мне человек позволил съесть тебя!

Баран не спорит:

— Что делать, если позволил — ешь. Только не ешь меня по кусочкам, не рви моей шкуры. Лучше стань к тыну и раскрой пасть пошире, а я с разбегу к тебе в пасть и вскочу.

Стал волк у тына, уперся ногами в землю, разинул пасть. А баран как разбежался да как налетит на волка!

Расшиб ему весь нос.

Только часа через два волк очнулся. А пока волк без памяти лежал, баран далеко убежал и спрятался.

Очнулся волк, повертел головой, посмотрел кругом и бормочет:

— Съел я его или нет?.. Наверное, съел...

СОДЕРЖАНИЕ

Кот — Серый доб (русская сказка)	3
Морской царь и Василиса Премудрая (русская сказка) . . .	8
Три сына (русская сказка)	19
Ветер (украинская сказка)	24
Гриць да пан (украинская сказка)	30
Асилак и змей (белорусская сказка)	33
Про царского генерала и умного мужика (белорусская сказка)	38
Хечо-лентяй (грузинская сказка)	40
Герой Сафар (аварская сказка)	47
Хозяин и работник (армянская сказка)	52
Анаит (армянская сказка)	57
Каразыра (кабардинская сказка)	67
Блоха и клон (осетинская сказка)	68
Волк и лиса (дагестанская сказка)	77
Следопыт (казахская сказка)	82
Чудесная шуба Алдар-Косе (казахская сказка)	83
Добрый Умар (туркменская сказка)	86
Золотой сазан (туркменская сказка)	95
Сказка о трех талисманах (татарская сказка)	100
Три дочери (татарская сказка)	111
Шмель (хакасская сказка)	113
Жадный купец (удмуртская сказка)	—
Сто умов (алтайская сказка)	115
Скупая лягушка (ойротская сказка)	117
Медведь-музыкант (карельская сказка)	118
Староста и чорт (латышская сказка)	122
Волк (литовская сказка)	123

Обложка Г. ФИШЕРА

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *В. Ганина*.
Подписано к печати 19/X 1942 г.
8 печ. л. (6,76 уч.-изд. л.) 33820 зм.
в печ. л. Тираж 50000 экз. Л103825.
Заказ № 2420. Цена 3 руб.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР, Москва,
Сущевский вал, 49.

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
86	23 сверху	Добрый Амур	Добрый Умар
104	6 снизу	к Осману	к Мустафе

Сказки народов Советского Союза

